

Катерина Дмитриева

Птичьи фамилии

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дмитриева К.

Птичьи фамилии / К. Дмитриева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Эта история расширяет общепринятые понятия и временами выходит за рамки традиционной морали. Здесь плотское влечение и животная страсть усиливают внеземной обмен энергий и мудрости, а попытки героев найти подлинное счастье приближают к постижению секретов безграничной и безусловной любви. Действующие лица носят птичьи фамилии, и это неслучайно – так проще находить друг друга в земных воплощениях. Птицы-вестники всегда прилетают, стучатся в окна, чтобы предостеречь, намекнуть, о чем-то напомнить. События не случайны, ведь мы сами выбрали сценарии своих судеб, перед тем как отправиться на землю... Основное место действия – крупная нефтяная корпорация, главная героиня – воспитанная строгой матерью перфекционисткой в духе пансионатов благородных девиц и непривычная к уменьшительно-ласкательным суффиксам, целеустремленная, упорная, и при этом тонко чувствующая натура. Сильная характером борца, Анна, к уменьшительно-ласкательным суффиксам не привыкшая, с детства добивалась своего, не просто мечтала, как сверстницы, о чем-то абстрактном, а ставила перед собой конкретные цели и уверенно шла к ним, если приходилось – то прямо «по головам». Переехать с окраины в центр мегаполиса, вырваться из небогатой семьи и заработать свой первый миллион, сделать успешную карьеру. Легко не было, но задуманное почти всегда сбывалось и ситуация была под контролем, пока не пришло наконец время для испытания любовью и дружбой...

© Дмитриева К., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Катерина Дмитриева

*Всем Воронковым, Соколовым, Коришуновым, Сорокиным,
А также Синицам, Аистам, Беркутам, а также Поползням
посвящается*

«Птичьи фамилии»

История на простом языке

*Тот, кто посеял, и тот, кто пожнет –
Не один и тот же человек,
Но он и не другой.
-0-*

Ноябрь перевалил за середину, но сухое, бесснежное и безжизненное межсезонье из последних сил упиралось, игнорируя положенную природе смену сезонов. Бесцветная осень остывала, отдавая земле последние соки, жалобно всхлипывая на холодном ветру. Самое время прикрыть все это серое безобразие аккуратным белым покрывальцем до лучших времен, да зима видно где-то припозднилась.

Только что наступившее утро плавно перетекло в хмурый день, что, так по-настоящему не занявшись, уступил права вечеру – было темно и над городом словно стоял какой-то мутный купол из выхлопных газов и невысказанных атмосферных явлений. Московское безвременье, как черная дыра, казалось, проглотит, и не заметишь. Промозглый ветер отчаянно завывал, хаотично меняя направление и, не оставляя шансов увернуться, вынуждал ежиться и ускорять шаг немногочисленных прохожих, которых не иначе как нелегкая заставила выйти из дома. Все как один были одеты в темное. И все, словно из последних сил сдерживая обиду на несправедливый мир, хмурились и отворачивались от ветра.

Семья Орловых – муж, жена и их восьмилетняя дочь Агата – наблюдала недружелюбный пейзаж из окна старенького японского внедорожника. Трое одновременно думали уютную мысль о том, как им повезло, что они вместе, в тепле, в безопасности. Измученные, они проделали порядочный путь из глухой деревни под Нижним Новгородом в Москву для того, чтобы выбрать недорогое жилье в аренду на первое время. Главе семьи Орловых предложили высокооплачиваемую по нижегородским меркам работу в столице и им предстояло переехать, быть может, и навсегда, «как пойдет», но главное – вместе, как они твердо-натвердо решили.

Не было ни снежинки, и оттого свету было решительно не за что зацепиться. Уже к пяти вечера над городом сгустилась суровая ноябрьская тьма, смешивая черное небо и серый асфальт и создавая идеальное полотно для городской иллюминации и ксеноновых огней чужих дорогих автомобилей.

Агата всю дорогу смотрела в окно, и ее не покидало чувство, будто ей здесь все знакомо, хотя это и был ее первый визит в Москву. Мегполис наводил на девочку печаль – ей было так жаль грустных прохожих, и лысые унылые деревья, жалобно вздрагивавшие на ветру, и оттого казавшиеся совершенно несчастными, и эти равнодушно глядящие своими холодными глазами-фарами большие машины.

Первой смотрели «однушку» в Химках. Внутренне чертыхаясь, отец семейства с трудом втиснул машину на единственное свободное место. Некогда перспективный и жадно растерзанный застройщиками, этот город в городе, Химки, теперь считался «пожилым» и скоро должен был отметить свое первое столетие, но никаких улучшений за это время в него не вносилось. В частности, парковочный вопрос так и бросили нерешенным, так что многие жители отказались от машин и пересели на маршрутки. Благо этого добра хватало – кооперативы жадно дрались за каждого клиента.

Агата как будто узнала облупившийся, несмотря на недавний косметический ремонт, семнадцатизэтажный дом. Девочка безошибочно угадала, в какой они войдут подъезд и на какой поднимутся этаж. Обогнав родителей и остановившись перед нужной квартирой, Агата установила на табличку с цифрами – «двенадцать-двенадцать». С раннего детства Орлова-младшая везде замечала повторяющиеся цифры и принимала их за особые знамения, как будто кто-то передавал ей важную информацию с помощью этих знаков. Родителям она просто объясняла, что «ровные цифры приносят ей удачу», и они не видели в этой детской игре ничего необычного. Остановившись перед дверью, как зачарованная, всегда скромная и молчаливая Агата яростно выпалила:

– Мы не будем здесь жить!

– О чем ты говоришь? Почему? – в один голос изумились родители. Девочка понесла совершенную на взгляд родителей чушь о каких-то воспоминаниях. Желая доказать свои слова, она в деталях описала родителям убранство комнаты, ремонт в которой не делался по меньшей мере пятнадцать – двадцать лет. Главная деталь – размытый акварельный портрет – должна была венчать массивный итальянский стол, покрытый дорогой, но устаревшей тяжелой фиолетовой скатертью. На портрете, по словам девочки, была изображена красивая молодая женщина, по-видимому, хозяйка квартиры.

Когда вошли в квартиру, там действительно все было точь-в-точь, как описала девочка. И в глазах красавицы на портрете читалась глубокая печаль. По замыслу художника, красавица как будто исчезала, испарялась, неуловимо растворяясь на холсте, и проявлялась вновь, но все так же не до конца.

Встречала потенциальных квартиросъемщиков точеная немолодая женщина, которая представилась Агнией. На вопрос о том, кто изображен на картине, Агния ответила, что это ее мать, которой уже нет в живых.

– Тут давно никто не живет. Мы с мужем переехали жить в Италию. Вы случайно застали меня в Москве – я тут проездом. Вот, решила сама показать вам квартиру по такому случаю, а так у нас этим риэлтор занимается. Я оставила тут все как было при жизни мамы, по крайней мере, этот стол и этот портрет она просила не трогать. Это был дорогой для мамы подарок одной ее знакомой. Тут никто не живет уже почти двадцать лет, но мы регулярно навещаемся, следим за состоянием, да, и коммунальные платежи оплачиваем. Вот, решили сдавать, и, если договоримся, вы будете нашими первыми квартиросъемщиками.

Эту квартиру родители Агаты не выбрали – одной комнаты, на половину которой важно громоздился массивный итальянский стол, было явно мало на троих. Не последнюю роль сыграл и категорический протест Агаты, которая ощущала в квартире необъяснимые беспокойство и тревогу. В Москву Орловы все же переехали – правда, в диаметрально противоположный конец города, на Каширку.

Оставался месяц до наступления Нового две тысячи семидесятого года, когда Агата, всей своей девчачьей душой жаждавшая чуда и волшебства, загремела в больницу с «огненной горячкой». Дружно борясь с редким заболеванием всеми доступными и недоступными средствами, врачи и родители буквально вытащили Агату с «того света». После чудесного выздоровления Агате стали сниться знакомые люди, которых она никогда раньше не видела наяву. Засыпая, Агата всякий раз видела перед собой ту молодую красавицу с портрета, которая желала поведать ей историю своей жизни. Девочка жадно слушала, а по утрам записывала все услышанное слово в слово. Странно, но ни одна подробность от нее не ускользнула, не была забыта спросонья. Ровно через год после последнего сна Агаты в книжном магазине «Москва», что на Тверской, прошла презентация книги, которую родители девочки издали под загадочным псевдонимом Анны Беркут. Повествование в ней ведется от третьего лица, как будто героиня доверила близкой подруге сделать то, на что сама так никогда и не решилась бы.

-/-

Жаркое лето две тысячи десятого заканчивалось серой пеленой дождя и низкой для московского августа десятиградусной температурой. Подходил к завершению монтаж крупной нефтяной конференции, которую на этот раз решено было проводить в вечно строящемся, однако вовсю и давно функционировавшем комплексе на окраине Москвы. К началу конгресса решили заново отремонтировать дорогу вокруг промышленного вида зданий комплекса и расширить парковку, отчего строительная жижа вперемешку с глиной текли по тому, что должно было являться проезжей частью. Коричнево-желтую липкую кашу жадно месили грузовики, газели и легковушки тех, кто вкалывал за кулисами крупнейшего съезда самых главных нефтяных и газовых корпораций.

«Хорошо хотя бы, что у меня внедорожник» – Анна Беркут печально улыбнулась своему отражению в косметическом зеркале, на секунду перестав реветь и жалеть себя. Она переживала трагический разрыв романтических отношений с коллегой по работе. И заодно развод с бывшим уже теперь мужем Игорем, случившийся собственно из-за этого коллеги, звали которого Никита. Служебный роман с Никитой не только разрушил брак Анны, но и сильно порашил ее нежное девичье эго.

По всем меркам и стандартам современного общества, Анна была девушкой красивой и вполне успешной. Но в личной жизни, как она сама считала, не везло, и оттого, особенно в последнее время, ей стало резко не доставать уверенности в себе.

К приятной внешности прилагался живой ум и заводной, веселый нрав. Анна была невысокого роста, с аккуратной стройной фигуркой идеальных параметров «90-60-90», с натуральными, никогда не знавшими красителя темно-русыми волосами почти до самой талии. У нее были большие зеленые глаза и от природы крупные, всегда как будто немного припухшие ярко-алого цвета губы. Косметикой она почти не пользовалась, ну разве только по особым случаям. Из обуви чаще всего носила каблуки, но в машине всегда переодевалась в балетки. Отдавая дань моде, любила кеды, куда же без них. Щедро одаренная природой, Анна, тем не менее, нуждалась в постоянном доказывании себе и всем вокруг того, что она «самая лучшая» ну или как минимум уж точно «не хуже других».

Анна ехала за рулем и рыдала, в то время как по радио, словно издевку, несколько раз пропели «Все будет хорошо». Пытаясь посмеяться над собой, она открыла окно и несколько раз громко пропела эту фразу, смеясь сквозь слезы. Однако стоило ей перестать дурачиться и перекрикивать дождь, как на нее с новой силой накатывали тревога и отчаяние.

Постоянно накрапывавшая с неба вода резко превратилась в желтый штормообразный ливень, который уже не просто шел или капал, а низвергался вперемешку с песком и глиной, словно предвещая какую-то грозную катастрофу. Впрочем, терять было уже нечего, сокрушалась про себя Анна, и от этой жалости к себе еще сильнее ревела.

Перестав слышать и понимать смысл того, что говорили по радио, Анна погрузилась в самокопание, анализируя события, приведшие к тому, что сейчас она, борясь с паникой и пытаясь унять потоки слез, оказалась «ни с чем» – ни мужа, ни любовника, ни подруг.

Прошел примерно год с тех пор, как она, ценой невероятных усилий, а именно пяти пройденных собеседований, включая «полиграф», а также рекомендации дальней маминной родственницы, устроилась в одну из крупнейших, если не сказать единственную такого масштаба в стране, нефтяную компанию «Нефтегаз». Считалось, что попасть туда можно только «по благу» или «по родству», и то, если очень сильно постараться.

Анну приняли на позицию специалиста в протокольный отдел, который занимался продвижением компании и связями со СМИ и госструктурами. Поскольку она окончила филологический факультет главного ВУЗа страны с очень хорошим «синим» дипломом, ее с готовностью взяли на испытательный срок в подразделение, занимавшееся работой с журналистами, и поставили отвечать за организацию всякого рода конференций, выставок и прочих событий. Тогда это была позиция самого младшего сотрудника в отделе. Меньше чем за год, вка-

ливая по четырнадцать часов в сутки, Анна добилась повышения и теперь была аж ведущим специалистом по связям с общественностью. Участие в нефтегазовом конгрессе было первым крупным проектом, который ей доверили вести самостоятельно. Ей нужно было организовать застройку выставочного стенда, произвести каталоги и листовки и нанять девушек-моделей, которые должны были встречать посетителей обольстительными улыбками «на лабутенах и в восхитительных штанах».

– Действительно, давайте оденем моделей в брючные костюмы! Они могут быть не менее откровенно скроены, чем всем приевшиеся платья в пол с разрезами до пупка! – предложение Анны были принято с восторгом, руководитель даже согласовал покупку для девушек туфель известной марки с красной подошвой.

– Мы же солидная компания, для нас это мелочь, зато все, кто придут на стенд, точно это заметят и оценят наше внимание к дорогим деталям. – Логика Анны была настолько простой и убедительной, что начальник обычно слово в слово повторял ее доводы, когда докладывал высокому руководству.

Приглашением и аккредитацией журналистов начальник всегда занимался сам. Его должность называлась ведущий менеджер, что для компании такого уровня было равнозначно позиции руководителя, причем и по объему обязанностей, и по размеру зарплаты и годовых премий. Для компании конгресс был важнейшим ежегодным проектом, и то, что Анна оказалась практически «у руля», помогало хоть как-то отвлекаться от душевных терзаний.

Чтобы добиться такого доверия от руководства, Анне пришлось на время отречься от всего, из чего состояла ее жизнь – она почти не проводила времени с мужем, забросила фитнес, даже в салон красоты выбиралась не чаще, чем раз в два месяца, и ерзала там на кресле, думая о том, что нужно не забыть сделать и переживая, что нечем тотчас же записать пришедшие под гиалуроновую маску идеи. Что уж говорить о подругах – встречая постоянный отказ, они давно перестали звонить и звать на встречи.

Анна проводила очень много времени на работе, брала работу на выходные, а ей все добавляли и добавляли поручений, как будто проверяли на прочность. Проверка была жесткой, но она все-таки ее прошла, как боевое крещение, и, не сломавшись, стала чувствовать себя кем-то наподобие члена семьи или банды. Она теперь гордилась собой как в детстве, когда ее принимали в компанию старших ребят, предварительно заставив пройти ряд выдуманных испытаний, часто болезненных и неприятных.

Преодолев испытательный срок, и став наконец «своей», Анна почувствовала давно подавляемую нехваткой времени и стрессом жажду человеческого общения и внимания. И где как не в рабочем коллективе было заводить новых друзей – здесь теперь была вся ее жизнь, а то, что за пределами офиса, только мешало и отвлекало. Анна огляделась по сторонам, желая получше узнать, чего стоят и чем живут люди, которые работают здесь десятками лет, и чего стоит она сама, по мнению окружающих.

До чего же это всегда было важно – как она выглядит в глазах других, даже если то были совсем незнакомые люди, скользнувшие по ней взглядом, проходя мимо.

Стоило Анне только начать применять в коллективе свои навыки коммуникации, как стремительно завертелась эта злополучная служебная «лавстори», заполнившая собой пустоту и заменившая недостающее общение. Анна вдруг стала смотреть на себя глазами влюбленного в нее мужчину, и ей сразу захотелось и в салон красоты, и на фитнес.

Воспоминания об этом периоде еще больше растревожили Анну, и слезы с тушью снова потекли ручьем по лицу, и подбородок задержался от немых всхлипываний.

Анна с Никитой стали жить вместе уже спустя месяц после Новогоднего корпоратива. Никита, по-видимому, давно вынашивал план обольщения, и немного понаблюдав за Анной, решил вести себя настойчиво, как настоящий альфа-самец. Встретив Анну, идущую навстречу ему вверх по лестнице, Никита неожиданно для них обоих схватил ее за руку и потащил в

запирающийся кабинет (Новый год решили в тот раз праздновать в только что открывшемся собственном тренинг-центре, а там, помимо большого актового зала, служебных помещений было предостаточно), и там начал жадно приставать, а она почему-то не особо сопротивлялась. Все ограничилось поцелуями и легкими прикосновениями, после чего Никита по-джентельменски остановился, заявив, что продолжение с такой девушкой, как Анна, должно быть в гораздо более подобающей обстановке. Это ее и зацепило. «Стало быть, серьезно ко мне относится. А я раньше и не замечала его интереса, хотя, если вспомнить, то были и комплименты, и заигрывания, но все настолько в рамках приличий, что я думала, что он просто общительный и со всеми так. Ну во всяком случае со всеми, от кого ему что-то было нужно по работе».

Внешне Никита сильно выделялся из основной массы их трудового коллектива своим спортивным телосложением и походкой, как у качка – такой неторопливо размеренной, но при этом решительной, как будто вот сейчас подойдет к тебе и шутливо, тоном хозяина положения, спросит что-нибудь невинно-провокационное. Лицо у него было такое обычное – обычное, с правильными чертами, но никакой изюминки, кроме разве что ямочек в уголках рта, когда он улыбался. Вроде и не слащавый, а такой весь из себя идеальный тип, и такой любезный, ну просто мечта всех дам! Фамилию Никита носил под стать своему образу – Селезнев.

Муж Анны Игорь в тот период был в длительной командировке в другом городе, и в Москву наведывался только на выходные, и то не каждый раз. Не чувствуя себя стесненной, Анна поддалась мимолетному порыву, приняв его за судьбоносную страсть, и позволила Никите присутствовать в ее ежедневном распорядке: регулярно провожать себя до дома (они ехали на двух машинах друг за другом, «паровозиком», и он галантно «прикрывал» ее на своем служебном «Вольво» при перестроениях и поворотах). Припарковав машины во дворе и пройдя в подъезд, они целовались в лифте, на широком подоконнике дореволюционного дома.

Трехкомнатная квартира в Гусятниковом переулке, что на Чистых прудах, досталась Аннинному мужу Игорю от покойной родственницы, за которой он ухаживал перед смертью. После ремонта старая квартира была превращена в просторную студию-мастерскую, где Анна с Игорем вольготно жили вдвоем, принимая гостей и устраивая шумные вечеринки.

От этой своей тетушки Игорь взял ее звучную фамилию Беркут взамен своей смешной, заковыристой и лошадиной Аптыконева, которую он к тому же запятнал по юности мелким воровством и условным сроком. Анна с радостью позаимствовала дворянскую фамилию мужа и теперь гордо именовалась Анна Беркут. Позднее Анна прочитала в Интернете, что древний род Беркутов берет свое начало чуть ли не из семнадцатого века, и все то были уважаемые и успешные люди, именитые дельцы, бывшие частыми гостями в немецком доме в Гусятниковом переулке и разъезжавшие по Парижам и Лондонам, где успешно вели свои торгово-промышленные дела.

Игорь Беркут был дизайнером-проектировщиком офисных зданий, а в свободное время занимался живописью. Его картины пока нигде не выставлялись, но он уже успешно реализовал несколько полотен через закрытый аукцион в Интернете, где заключали сделки очень обеспеченные люди.

Игорь был и богемным художником, и в то же время уважаемым офисным сотрудником, а потому к вынужденному и выверенному дресс-коду всегда добавлял какую-нибудь яркую деталь – вроде галстука или шарфика. Последних у него было больше пятидесяти штук – целая коллекция, личное достояние. Он привозил шарфики из каждой заграничной поездки, и часто получал в подарок – всем и всегда было нетрудно догадаться, что подарить Игорю. Ему было три месяца до сорокалетия, когда они поженились с Анной, а ей было всего двадцать три. Игорь был высокий худощавый брюнет с массивным туловищем, широкими плечами и длинными руками. Волосы на голове сбривал начисто, ибо наметилась лысина, а на лице при этом позволял себе трехдневную щетину. Вокруг него всегда было много женщин, которых притягивали

его природное обаяние и мужская сила. Но Анна почему-то никогда не ревновала Игоря. Пока не представился случай.

Перед самым Новым годом и через несколько дней после судьбоносного корпоратива в тренинг-центре Игорь прилетел в Москву. Они с Анной должны были на следующий же день лететь на каникулы в Андорру, кататься на сноубордах и встречать Новый год в настоящей европейской зимней сказке и со снегом, которого в столице на тот момент пока даже не предвиделось. В день приезда мужа домой Анна придумала себе критические дни, и так удалось по крайней мере на пять дней обеспечить себе хотя бы частичную неприступность, ведь ее так «переклинило» на Никите, что мысли о близости с мужем стали ей неприятны. На шестой и седьмой дни Анна до того накачивалась вечером спиртным, что Игорю приходилось буквально тащить ее в номер и класть в постель частично одетой. В таком состоянии заниматься с ней любовью Игорю не хотелось. На восьмой день, накануне вылета в Москву, Анне пришлось все-таки сдаться. Игорь привел ее в шикарный ресторан, они заказали устриц, шампанское «Кристалл», он был чрезвычайно обходительным и немножко чужим, и от всего этого антуража Анна подтаяла, решила смягчиться и побыть послушной женой. Вернувшись в номер после ужина, слегка, но не слишком пьяные, они, сходя в душ, предались традиционным супружеским ласкам, которым предшествовала красноречивая прелюдия в исполнении Игоря. Анна не расслабилась ни от прелюдии, ни во время самой близости, хуже того – по причине недостаточного возбуждения близость с мужем причиняла лишь боль. Даже когда Анна пыталась представлять себе Никиту, это не помогало, так как сразу же ее фантазию протаранило накопившееся чувство вины оттого, что она уже в мыслях и в действиях неверная жена. Игорь вроде ничего не заподозрил, закончив, ушел в душ, а Анна повернулась на бок и, с чувством выполненного долга, прогоняя от себя беспокойные мысли, поспешила притвориться спящей.

За день до выхода на работу Анна с Игорем прилетели в Москву, пробыли еще несколько часов вместе дома, затем Анна проводила Игоря на вокзал – он в тот же день уезжал на «Сапсане» в Нижний Новгород. Она даже немного расстроилась, что Игорь уезжает, всплакнула и состроила расстроенную «ми-ми» мину на прощание.

А несколько дней спустя Анна уже впустила Никиту в находившуюся в ее распоряжении квартиру мужа, не устояв под нагловатым обаянием коллеги. Никита стал оставаться у Анны на ночь. Они вместе просыпались по утрам, Анна готовила ему на завтрак вареные яйца, тосты и натуральную «активную», вместе ехали на работу. Скоро стали ездить на одной машине, и Никита по просьбе Анны высаживал ее в соседнем с офисом переулке. Она не хотела, чтобы их видели вместе, боялась, что это может сказаться на ее карьере. Так прошло пару месяцев, и Никита сообщил Анне, что расстался со своей девушкой, с которой прожил в гражданском браке больше 10 лет.

«Значит, он со мной всерьез, любит меня, скоро и предложение, наверное, сделает» – возликовала Анна, примеряя к себе новую фамилию «Селезнева». Тем временем Никита снял однокомнатную квартиру в районе улицы Удальцова, так ближе было добираться на работу в «Нефтегаз».

Интересный был дом, в котором стал жить Никита – построенный с турецким шиком овальной формы небоскреб, оформленный по типу гостиницы, и даже услуги предлагающий гостиничные – уборка два раза в неделю, прачечная, даже завтракать можно было по абонементу в ресторане на первом этаже. Жилое здание финансировала, проектировала и строила известная азербайджанская девелоперская компания, и во всем внутреннем убранстве прямо-таки рвался наружу вычурно-роскошный восточный лоск. Казалось даже, что в воздухе витает смесь терпких и пряных специй и душистых цветов, возможно, лилий, а может это пахло дорогим арабским парфюмом кого-то из тех, кто важно сиживал в лобби. Именно, тут даже лобби и полагающийся к нему лобби-бар были. Аура была невероятная для жилой многоэтажки даже элитного уровня.

-2-

Пока Никита с удовольствием обживался на новом месте и вкушал позабытой холостяцкой жизни на свободе, Анну поймал на измене муж. До чего же вышло банально и некрасиво! А может, так всегда и бывает, когда доходит до супружеской неверности. Найдя аптечные чеки в пакете, который Анна беззаботно сунула в ящик, где они хранили магазинные пакеты на случай, если понадобится что-нибудь упаковать, Игорь понял, не дурак, что жена спит с другим. Она много лет подряд пила противозачаточные таблетки, а тут вдруг презервативы стала покупать. Когда Игорь спросил прямо, получил ответ, после которого ничего уже нельзя было исправить – она во всем призналась, словно исповедалась, глядя в глаза так решительно-спокойно, как будто только и ждала этого разговора, чтобы во всем признаться и получить право больше не лгать, встречаясь с Никитой.

Игорь был мудрее молодой жены и внутренне рассчитывал, что она придумает какую-нибудь красивую ложь, а он сделает вид, что поверил, и они будут жить дальше, как будто ничего и не было. Она перестанет пить таблетки, забеременеет, вся дурь из головы у нее выветрится, да и он тогда остепенится, перестанет мотаться по командировкам...

– Анна, скажи пожалуйста, как давно ты стала мне изменять?

– С чего ты взял, Игорь? – она смело смотрела прямо в глаза, как будто вовсе и не чувствовала себя виноватой.

– Я что, по-твоему, дурак, зачем в мое отсутствие покупать презервативы? Ты потрудились бы хотя бы выбросить чеки! Давно ты с другим трахаешься?

– Игорь, ну а на что ты рассчитывал, когда уехал в Нижний? Мы же полгода уже с тобой почти не видимся. На выходные ты приезжаешь никакой, секса не хочешь, не скучаешь по мне совсем...

– Я вообще-то все это делаю не ради себя, ради нас! Я же не раз объяснял тебе, что если бы я не согласился, то потерял бы эту работу, а там многомиллионные контракты. И потом, мы же договаривались, это всего лишь на год! Так ответь пожалуйста на мой вопрос!

– Игорь! Тебя слишком долго не было дома! Я встретила другого мужчину.

– Где? На работе, что ли?

– Да, мы работаем вместе, а где еще, если дома меня никто не ждет, и я допоздна бываю в офисе? Да, все серьезно. Мы с тобой не можем пока жить вместе. Пока я в себе не разберусь. – Резко рвать не хотелось, и Анна решила попытаться оставить для себя запасной путь, на случай отступления, если вдруг с Никитой ничего не получится.

Игорь слушал, как она говорит, и внутри закипала адская смесь ненависти и ярости – и к обидчику, и к себе самому, за то, что оставил Анну одну, и к ней, его молодой жене, которой он поверил, «как взрослой», а она не смогла его дождаться, а ведь он не на Северный полюс уехал, и не ради себя, а ради семьи!

«Конечно, она девушка молодая, да и натура творческая, увлекающаяся, я все это знал с самого начала. Ну поддалась искушению, может все еще можно исправить, предложив ей выбор, вроде как – или я или он» – пыхтел про себя Игорь, не находя себе места от душевной отдышки, чувствуя, что мысли путаются, а к горлу подступает комок панической атаки.

– Я могу дать тебе шанс все исправить. Ты навсегда прекратишь с ним всякие отношения. А я досрочно прерву командировку и вернусь к тебе. Будем жить как раньше, до всего этого, до того, как я уехал.

– Игорь, послушай, я ценю все, что ты для меня сделал. Помог поверить в себя, научил водить машину, проходить собеседования, вести себя на переговорах, общаться с людьми...!

– Да ты совсем «зеленая» была, когда мы встретились! И это не я тебя охмурял, заметь! Мне эта идея с самого начала не понравилась. Но я поддался, потом полюбил тебя. Потом я научил тебя жить! И что теперь?!

– Я ни в коем случае не умаляю твоих достоинств и ценю все, что ты для меня сделал! Я стала с тобой более мудрой, более зрелой, опыта у тебя набралась. Ты и в постели меня многому научил. – Его лицо перекосилось от ревности при этих ее словах. – Но я, мне кажется, я люблю его. А тебя больше не люблю. После того, что между нами было, я не смогу быть с тобой как раньше. Нам надо на время расстаться.

– И давно это у вас? – Игорь не выдержал и не дождался ответа. Он чувствовал себя уязвленным, униженным, использованным и брошенным, обманутым и посрамленным. Поддавшись эмоциям, он что есть силы толкнул Анну в сторону от себя, а когда она упала, попытался ударить ногой, но промахнулся и угодил в табурет, от чего на секунду скорчился от боли в лодыжке. В это же мгновение, пока он приходил в себя, Анна под нарастающий стук адреналина в висках вскочила на ноги и выбежала из квартиры, успев схватить сумочку, где были деньги и документы. Пальто захватить не успела и оказалась на улице в легком свитере и домашних спортивных штанах и тапочках.

На улице начиналась мартовская оттепель, только что стемнело, и серый подтаявший снег вперемишку с грязью от машин и химикатов, которыми щедро обрабатывают дороги от гололеда, противно блестел в свете холодных уличных фонарей. Даже центр города в такую пору межсезонья выглядел грустно и непрезентабельно, не говоря уже о спальных районах.

Анна вытянула руку и поймала приличную вроде бы «Тойоту Камри», и водитель всю дорогу невольно выслушивал ее историю и пытался найти слова утешения, ибо, как и все мужчины, испытывал страх и неловкость при виде женских слез и мечтал, чтобы эта пытка поскорее закончилась. Денег за проезд не взял и перекрестился, когда она вышла из машины. Она не до конца захлопнула дверь, но он не стал ее останавливать – «Нехай идет уже куда шла, с Богом».

Анна приехала к маме, в квартиру на Северо-Востоке Москвы, где она выросла и откуда яростно пыталась сбежать поближе к центру и к лучшей жизни, едва ей исполнилось шестнадцать, и она заработала первые казавшиеся ей тогда огромными деньги, подрабатывая промоутером и раздавая в супермаркетах всякую дребедень.

Уйдя в тот серый мартовский вечер от мужа, разрушив их едва начавшуюся семейную жизнь (они прожили в браке почти четыре года, однако завести детей Анна так и не решилась, все сидела на противозачаточных), уехав из огромной квартиры в самом центре Москвы, в легендарном Гусятниковом переулке, где по соседству находились и альтернативная сцена театра «Современник», и Чистопрудный бульвар, и милые кафешки в уютных полуподвалах старинных особняков, Анна погубила свою едва сбывшуюся мечту.

Но вместе с этим тягостным осознанием пришло чувство облегчения, что не нужно больше обманывать, не нужно скрываться. И потом, инициатором разрыва была как бы не она. Она же предложила разойтись лишь на время, пожить отдельно, а Игорь начал драку и безумно напугал. После этого Анна боялась его, и, что еще хуже, перестала доверять, стала опасаться за свою безопасность. Мама поступок Анны одобрила. Неожиданно...

– Ты же знаешь, – (Анна не знала и потому округлила глаза в знак удивления,) – мне с самого начала твой Игорь не нравился. Но я молчала, это же твой выбор. А теперь я могу наконец открыто говорить. Сама посуди. Старше тебя почти на пятнадцать лет, двое детей от первого брака, которые все время присутствовали в вашей жизни, поэтому ты и своих, небось, не хотела, выпить любит, погулять, дома все время непонятные богемные личности ошивались... Я могу долго продолжать. Ты все это и сама знаешь. Не о таком счастье для своей дочери я мечтала! – Мама стояла руки в боки и притопывала ногой, как в детстве, когда собиралась отчитать маленькую Аню за какой-нибудь проступок или шалость.

– Не надо, мама, мне итак на душе хреново. Все-таки я обидела его сильно... Он меня любил, а я этого не ценила. И как же так все открылось быстро, хотя это, пожалуй, к лучшему, да? – Анна ждала, что мама ее утешит, подтвердит все ее сомнения, развеет тревоги. Но мама прямо-таки вознегодовала, не на нее, на Игоря, за то, что ее дочь не уберег.

– А руку поднимать на женщину – это вообще недопустимо! Что бы ни случилось! Да после этого я тебе сама не позволю к нему вернуться! Даже если ты вздумаешь поменять свое решение, я тебя никуда не пущу, так и знай!

– Менять решение уже поздно, мама, я его разлюбила, и теперь люблю Никиту. А Никита расстался со своей гражданской женой, а ведь они десять лет вместе были, представляешь. Значит, любит меня, понимаешь? Я чувствую, что он моя судьба, и что все делается к лучшему! – начав говорить о Никите, Анна моментально преобразилась. Теперь она выглядела наивно-восторженной, едва утерев слезы и размазанную тушь и мечтательно глядя куда-то вдаль затуманенным взглядом.

– Дочь, я только прошу тебя, не торопись. И не дави на этого своего нового Никиту. Я знаю твой характер с детства, тебе все и сразу подавай. Но не совершай ошибки, не торопи события, пойми, что не со всеми людьми так можно. Ты поживи тут пока, приди в себя, – мама слишком хорошо знала вспыльчивый нрав дочки и понимала, что, нырнув в новый омут с головой, Анна скорее всего отпугнет даже самого влюбленного и преданного кавалера и опять будет страдать. И еще чего хуже, не дай бог начнутся у нее панические атаки, которыми она страдала вплоть до подросткового возраста, и придется матери с ней носиться, за руку ночью держать...

Анна слушала маму сквозь дымку романтических мечтаний, но слышалось ей то, чего она сама больше всего хотела, и Анна сделала все по-своему.

Настояла на том, чтобы они с Игорем, не откладывая надолго, на той же неделе подали заявление на развод. При этом фамилию Игоря – Беркут – Анна решила оставить при себе, намереваясь превратить «Анна Беркут» в собственный бренд, который будет, с одной стороны, узнаваем на рынке нефтяных магнатов, а с другой, в случае провала или какой несурзацы может быть с легкостью аннулирован. Лучше рисковать фамилией Беркут, чем своей девичьей – «Соколова», хоть и доставшейся от бросившего их с мамой отца.

С маминой помощью Анна собрала и вывезла из квартиры-студии мечты на Чистых прудах свои вещи. Чемоданы у мамы распаковывать не стала. Было шестое марта, а значит близился международный женский день, и Анна долгом своей девичьей чести считала до восьмого марта определиться со своим статусом. И потому, переночевав всего одну ночь у мамы, накануне восьмого Анна заявила на съемную квартиру к Никите с большим чемоданом вещей – «на первое время». Она ожидала, что Никита обрадуется и потолок прошибет от счастья, узнав, что она теперь свободна, и забота о ней с этого момента торжественно переходит к нему вместе с неотъемлемым грузом ответственности и взаимных обязательств.

Думая так, Анна была наивна. Она верила, что вот он, наконец, хэппи энд «как в кино», после которого «все жили долго и счастливо и нарожали кучу детей, и умерли в один день». Нельзя сказать, что Никита был совсем не рад увидеть Анну на пороге еще не обжитого холостяцкого гнезда, да еще с чемоданом вещей, просто, как оказалось, не для того он расхотелся со своей гражданской женой, чтобы сразу начинать новые отношения, тем более с совместным бытом и прочими прелестями семейной жизни. Он хотел погулять, развеяться, и, возможно, не только с Анной. Как бы она ни была хороша во всех отношениях.

И все-таки они стали жить вместе, не выставляя же Анну за порог. Тем более, что выбора она Никите не оставила. И прожили они вместе чуть больше, чем полгода.

Сразу за зимой наступило лето, весны как таковой не случилось – снег еще не везде растаял, когда шархнуло плюс двадцать пять и отовсюду, даже сквозь лед, полез молодой, да наглый газон. Летом Анна с Никитой отлично проводили время, развлекаясь вместе – ездили с Никитиными друзьями на природу, ходили на концерты и в ночные клубы, часто ели в ресторанах, пили алкоголь и дурачились. Предавались любви каждый день и в самых разных местах, потом реже – два-три раза в неделю и все больше в постели перед сном. Наверное, стали больше

уставать на работе, думала Анна, да и бежать теперь некуда, вот мы друг у друга, только руку протяни.

Но вскоре с Никитой и вовсе начало происходить что-то странное. Он стал избегать Анну, задерживаться на работе, а после работы встречаться с друзьями или уходить на долгую тренировку в спортзал. А еще он стал регулярно, пару раз в неделю, встречаться со своей бывшей, якобы чтобы ее поддержать, как он объяснял Анне. Дальше стало еще хуже. Он стал избегать интимной близости с Анной, а на этой самой близости, как оказалось, и строились их отношения. Так прошло недели две или три, Никита приходил домой совсем поздно, ничего не объясняя, и, после сухого поцелуя, напоминающего то, как птица-мама передает корм птенцу, т.е. по причине клюва почти не касаясь, отворачивался на другой бок и засыпал, ну или делал вид, что спит. Анна делала попытки поговорить, но от разговора Никита все время уходил, уверяя, что все в порядке и не происходит ничего странного. Он вообще оказался очень сухим в общении и скупым на эмоции и в жизни, и в постели. Анна поначалу и догадываться не могла, к кому уходила от чуткого, зрелого и опытного Игоря. Она даже стала называть Никиту про себя Сухарь.

Бойкот Сухаря длился три недели и продлился бы дольше, но Анна не выдержала и решила уйти первой. Раз разговора все равно не получается, и она чувствует себя полной дурой, то, стало быть, и терять вроде как нечего, а ждать неизвестно чего – так это себя не уважать, а как же гордость, и ее сверхчувствительное эго. Решено – сделано. Анна собрала вещи, пока Никита был на работе (самой пришлось отпроситься, чтобы проверить все в его отсутствие), и уничтожила все следы своего пребывания в его квартире, даже прибралась напоследок, чтобы он пожалел о том, какой Золушки лишился. «Может, еще одумается, ведь такого поворота он точно не ожидает!» – Аннина надежда пока и не собиралась умирать.

«На Удальцова пожить, значит, тоже не судьба» – Анне пришлось снова вернуться к маме, но ненадолго. С шестнадцати лет Анна искренне считала, что жить с мамой – значит признать собственное поражение в жизни (папа ушел от них к другой женщине, когда маленькой Ане было шесть, и она его толком не помнила, зато на всю жизнь усвоила урок, какой не надо быть, чтобы остаться одной – не надо быть такой, как мама, правда, какой это именно, никак не могла уловить).

Поэтому сразу после поступления на первый курс главного университета страны она начала подрабатывать и вскоре сняла комнату у милой одинокой бабули. Условия были похуже, чем у мамы, но зато самостоятельность! В голове была твердая цель побыстрее заработать первый миллион или найти состоятельного мужчину, жить в пределах Садового кольца, ездить на дорогой иномарке. И вот теперь она уходит от Никиты ни с чем, в глубине души надеясь встряхнуть его и вернуть его интерес. Она представляла себе, что он начнет искать ее, звонить, звать обратно, а она поломается немного, набивая себе цену, а потом согласится. И будут они жить долго и счастливо...

Но вышло не так. Спохватился и стал искать встречи с Анной Никита только спустя пару недель. И когда Анна наконец согласилась с ним встретиться, то услышала совсем не то, на что рассчитывала. Она-то искренне надеялась, что он станет просить у нее прощения, ну или хотя бы объяснит, с чем было связано его охлаждение и этот невыносимый «игнор». Но вместо этого Никита заявил, что не был готов к серьезным отношениям после разрыва с бывшей, и что зря они так быстро съехались, и что их отношения погубил быт, и много чего еще. У Анны стучало в висках, и она почти ничего уже не слышала. Просто поняла, что это все, конец. Конец.

– Ты была моим самым ярким сексуальным приключением, – сказал Никита с многозначительным выражением лица. Из его уст это звучало как недвусмысленный комплимент, и он с довольной ухмылкой смотрел на Анну, с хрустом откусывая бакинский огурец. – Я буду не против продолжать встречаться, ради секса, ради приятного общения. Так часто, как оба захотим.

– Никитос, у меня что-то жутко голова разболелась, я, наверное, поеду. – Анна выразилась нарочито равнодушно (раньше ей никогда не приходило в голову называть его так) и, едва дослушав его бред, с трудом сдерживая слезы, направилась напрямик к выходу из восточного ресторана, где они встретились. Уходя, натянув на себя грустную улыбку, сказала:

– Я не хочу с тобой больше встречаться, никогда, я больше тебя не хочу. Не звони мне больше и не пиши.

«Чтоб ты сдох, скотина! Чтоб ты сдох! Селезень надутый! Сухарь черствый!» – злобно шипела Анна, спускаясь по крутой лестнице, придерживаясь за стену, чтобы не упасть от головокружения. То, что она сказала про желание вычеркнуть его из жизни, было правдой. Мечты мигом рухнули и надежды больше не осталось. Это было очень больно, не только душевно, но и физически, ведь голова и правда страшно разболелась, и внутри как будто что-то пульсировало. Гнев, злость, ненависть, страшный клубок негатива, который она мысленно направила Никите и еще несколько раз повторила: «Сдохни, сука!», пока шла к машине и пока садилась в нее, громко хлопая дверцей.

-3-

Был конец июля и небывалой силы лесные пожары стянули в кольцо Москву, а в этот злополучный вечер еще и накрыли сверху куполом серо-белого дыма, в котором, как в молоке, почти ничего не было видно.

«Похоже, конец света начинается, настоящий Армагеддон» – видимость была только на одну машину вперед и все ухудшалась, запах стоял удушающий. Анна пожалела, что не взяла с собой одноразовую маску, которыми активно торговали теперь в пробках и на каждом углу гости столицы.

Ощущение страха одиночества и паники от невозможности повлиять на ситуацию и вернуть хотя бы «как было» ненадолго отступило перед инстинктом самосохранения, который велел собраться и как можно скорее добраться домой, пока голова еще сильнее не разболелась и пока еще хоть что-то видно сквозь дымовую завесу. Первое время после расставания Анна путала свой страх одиночества с подлинными чувствами к Никите, в которых она и разобратся-то не успела, пока они были вместе. Еще тяжелее было оттого, что им, конечно, приходилось часто видеться на работе. Однако же Анна ни разу не показала ни ему, ни окружающим своих эмоций, еще с детства научившись сохранять «покер фейс» даже в самой сложной ситуации.

Позже выяснилось, что Никита вернулся к бывшей, сделал ей предложение, и они очень быстро поженились. Хорошо, что Анна узнала об этом потом, успев охладеть к Никите, иначе не сдержать ее хрупкому эго такого сильного удара. После их расставания Никита не раз предлагал Анне интимную близость, по-товарищески жалуясь на скуку семейной жизни и уверяя Анну, что она сама это поймет, как только снова выйдет замуж и станет жить постоянно с одним и тем же человеком. Так она точно не хотела – чтобы тошнило от того, с кем свяжешь свою жизнь навеки. «Слава богу, что ты не оказалась на месте Никитиной жены» – вздыхал облегченно Аннин внутренний голос.

Скоро, правда, по самолюбию Анны пришелся еще один удар. Произошло это, когда они с мужем забирали свидетельства о разводе – случайно столкнулись в ЗАГСе. Чувствуя себя вполне уверенной в себе, но будучи слегка на взводе от специфики момента, Анна возьми, да и спроси у него, просто так, ради любопытства:

– Игорь, хочу тебя спросить, только постарайся ответить честно. Ты мне когда-нибудь изменял?

– Аня, дорогая, я конечно могу тебе ответить. Только тебе может быть больно.

– Продолжай.

– Было несколько раз в командировках. А в Нижнем Новгороде, где мне пришлось так надолго остаться, была у меня женщина, я до сих пор с ней. Но ты бы никогда об этом не узнала. Я тебя надежно оберегал, и эта сторона моей жизни никогда бы тебя не коснулась.

– Так вот как, значит! – От неожиданности Анна опустила на банкетку у бракоразводного кабинета, где они стоя ожидали своей очереди.

«А я значит поддалась первому же увлечению и все разрушила. Теперь Игорь со всеми своими достоинствами и квартирой-студией в самом центре Москвы достанется какой-то потаскушке из Нижнего Новгорода» – Анна не могла поверить своим ушам и да, ей действительно было больно. Это было крушение иллюзий, как будто сцена, на которой разворачивалась ее жизнь, резко повернулась на все сто восемьдесят градусов, обнажив другую сторону реальности, то исподнее, что было скрыто от ее глаз. Она чувствовала себя полной дурой, самооценка рухнула вниз подобно оторвавшейся кабине лифта, неизбежно летящей в шахту.

– Хочешь, кофе попьем где-нибудь тут недалеко? – как ни в чем ни бывало предложил Игорь.

– Мм, нет, знаешь, я тороплюсь, мне нужно кое-какие дела доделать, маме помочь, в общем, я, пожалуй, уже поеду. Рада была повидаться. – Не идеально, но вроде получилось не выдать своих эмоций, хотя Игоря было сложно провести, и он не без удовольствия и легкого чувства жалости наблюдал за корчами уязвленного самолюбия той, которую все еще любил, но простить уже не смог бы, пожалуй, никогда.

«Как странно жизнь устроена: хочешь быть честной, а, оказывается, нужно учиться лучше врать» – такой статус Анна разместила у себя на стене в фейсбуке.

-4-

Уйдя от Никиты, Анна на время переехала к маме, с которой они прекрасно ладили на расстоянии, но вместе долгое время находиться не могли. Анна хотела во всем быть самостоятельной и не похожей на мать. А мама хотела заботиться, и, что еще хуже, контролировать каждый шаг ее маленькой Ани. Из-за этого они придирались друг к другу по пустякам и часто ссорились. Да к тому же мама постоянно напоминала Анне о том, что та была предупреждена насчет опасности быстрого сближения с Никитой.

Дескать мама знала, что этим все кончится, потому «я же тебе говорила!», а теперь мол сама виновата, «раз никогда не слушаешь мать!». И все в таком же духе. Мама была в этот раз безусловно права и даже не пыталась скрыть своего откровенного ликования по этому поводу, как будто они с дочерью в чем-то соревновались.

Стремление доминировать над дочкой привело к тому, что при первой подвернувшейся возможности Анна переехала к новой подруге Алисе, с которой познакомилась там же, где и с Никитой, там, где проходила вся ее жизнь – на работе.

Московский филиал нефтяной компании, где Анна и Алиса вместе работали, имел внушительный штат в триста с лишним человек, а ее офис занимал несколько этажей собственного здания. На остальных, не офисных, этажах располагались: собственная поликлиника, фитнес-центр, салон красоты, несколько столовых для разных категорий сотрудников. Компания славилась также тем, что предоставляла в обмен на работу с полной отдачей самый внушительный соцпакет, какой только можно было себе представить – бесплатное питание и медицинское обслуживание, оплачиваемые путевки в лучшие дома отдыха по России и за ее пределами, фитнес, служебный транспорт, даже квартиры в районе Ленинского проспекта – это, правда, для тех, кто проработал в компании двадцать лет и больше.

Анна и Алиса «сидели» в диаметрально противоположных концах этого современного лабиринта из зеленоватого стекла и серо-черного бетона. И обязанности у них были разными, Анна отвечала за связи с общественностью, а Алиса была специалистом в отделе закупок. Правда, специфика работы подразумевала их временами очень тесное взаимодействие – по всем проектам, которые проводила Анна, подрядчиков выбирала Алиса. Как нетрудно дога-

даться, работа это была не столько командная, сколько наоборот, в обязанности Алисы входило сделать так, чтобы Анна (и другие сотрудники, совершающие любую закупку, начиная от скрепок и заканчивая бурильным оборудованием для нефтяных вышек) не были излишне заинтересованы поставщиками, которые чего только не выдумывали, чтобы привязать к себе тех, в чьих руках были крупные финансовые потоки.

Так что это только со стороны могло показаться, что Анна и Алиса подружились случайно, как бы само собой, и произойди эта встреча где угодно внес стен офиса, итог был бы таким же. На самом деле Анна сближение с Алисой расчетливо спланировала и организовала. Она ни на миг не забывала о своей основной цели – повысить уровень дохода, заработать первый миллион – и не собиралась ни перед чем останавливаться.

Наблюдательная Анна заметила, что Алиса выходит курить, притом преимущественно в одиночку, и тоже купила пачку сигарет, хотя года два как бросила, будучи еще в браке с Игорем. Выждала момент, когда Алиса вышла в курилку, проследила, чтобы девушка была одна, и направилась за ней. Попросила прикурить (она предусмотрительно «забыла» купить зажигалку) и предложила свою компанию. Дальше уже было дело техники и Анниного обаяния, которое она сама гордо называла «харизмой». Благодаря этой харизме Анна умела быстро стать центром любого нового общества, верно угадывая, какой вопрос следует вынести на обсуждение, чтобы всех взять за живое. Поэтому задача расположить к себе одного человека, даже если это была девушка (с мужчинами ей было гораздо проще) была для Анны не трудной. И она приступила. Заранее обратив внимание на спортивную подтянутую фигуру Алисы, Анна решила зайти со стороны «ЗОЖ»:

– Я смотрю вредная привычка не мешает вести Здоровый Образ Жизни? – Анна изобразила максимально дружелюбную улыбку с налетом демонстративного восхищения собеседницей.

– Привет! В смысле? Ты о вреде курения? – опешила Алиса, выйдя из офисной дремоты и уронив спутанный клубок срочных задач, которые она крутила в голове, – Сама же куришь?

– Ну да, никак не могу бросить, но при этом, как и ты, слежу за своей физической формой, регулярно хожу на фитнес. Куда ходишь заниматься, если не секрет? – Анна продолжала поражать Алису даром провидения.

– О, ты прямо мысли читаешь, я каждый день после работы хожу в «Антилопу», тут недалеко. А ты? – Алиса уже дружелюбно улыбалась, радуясь возможности непринужденно поболтать и отвлечься от работы.

– Да ты что? У меня тоже туда абонемент есть, причем у меня безлимитный, я могу все клубы сети посещать. – «Начало положено», – внутренне ликовала Анна – «осталось только купить абонемент в «Антилопу», мой «Премьер» как раз через неделю заканчивается» – и с этими мыслями она с элегантностью профессионала губами извлекла из пачки с изображением розово-фиолетового струящегося дыма тонкую сигарету «Вог Лилас» и жестом попросила у Алисы прикурить. Та с поспешной учтивостью поднесла к лицу Анны зажигалку и только потом «чиркнула» и подожгла ее сигарету. Анна задумчиво затянулась, представляя, как этот самый фиолетовый туман проникает в легкие и слегка кружит голову. Голова и правда немного закружилась.

– Может, как-нибудь вместе сходим в «Антилопу» поле работы? Потом в сауне посидим, посплетничаем? – сама предложила Алиса. Анна попала прямо в точку – Алисе не хватало общения, и личной жизни, видимо, не было, а значит, времени свободного оставалось предостаточно, и для начала Анна им завладеет. На войне за место под солнцем и за первый миллион все средства хороши!

– Отличная идея! – радостно воскликнула Анна – Давай в пятницу? После работы? А потом можем где-нибудь чай – сок выпить, кальян покурить?

– Ты опять в точку, я обожаю кальян, и, если честно, ни дня без него не могу! – оживилась Алиса и принялась выстукивать из пачки вторую сигарету. Анна протянула свои – она заранее подглядела, что Алиса покупает такие же. Алиса, поблагодарив, взяла и немного покраснела. – Частенько по вечерам встречаюсь с подругами где-нибудь на летней веранде, где можно подышать чего-нибудь кисло-сладенького на свежем воздухе, – прикурив, призналась Алиса.

– Ну вот, теперь у тебя есть коллега-единомышленник, которая разделяет любовь к кальяну, – подмигнула Анна и кивком головы дала понять, что пора бы закругляться и возвращаться на рабочие места – и здоровому образу жизни! – добавила напоследок, чтобы закрепить в сознании Алисы их с Анной возможные точки соприкосновения.

Они еще несколько раз как бы случайно встречались в курилке (на самом деле каждый раз Анна все это подстраивала) и болтали о том, о сем, постепенно становясь приятельницами, а затем и подругами. В основном они сплетничали о коллегах, обсуждали мужчин, новости из Интернета, – это было стадией приятельства, как определила для себя Анна. Потом стали делиться своими личными историями – «а вот мы уже и подругами становимся» – у Анны в голове была своя четкая градация отношений со строгой иерархией уровней и четкими признаками перехода с одного уровня на другой.

Анна решила первой рассказать Алисе о своем трагично закончившемся романе, о предшествовавшем разводе, только, разумеется, заменив реального Никиту Селезнёва вымышленным персонажем, с которым по легенде познакомилась в караоке, а не на работе, дабы не порождать сплетен среди сотрудников компании о своей слабости к тому, чтобы пофлиртовать «не отходя от станка».

Она была еще не настолько уверена в Алисе, чтобы посвятить ее в эту опасную для своей репутации тайну – «легкий флирт на службе повышает мотивацию к труду». Анна в красках и большей частью вымышленных подробностях рассказала Алисе о терзаниях своей души, а также о том, как тяжело сейчас жить с мамой, которая то и дело напоминает ей, как она облажалась, и Алиса любезно предложила Анне пожить у нее. Такого поворота Анна не ожидала и не просчитывала, а потому эмоций радости изображать не пришлось – они явились сами. Ни секунды не думая, но для приличия пару раз поприбеднявшись, «мол, неудобно как-то», Анна приняла приглашение новой подруги.

Родители Алисы работали на каком-то государственном предприятии и им полагались аж сорок дней отпуска, как на крайнем Севере. Эти дни они приберегли как раз на бархатный сезон и уехали на дачу, оставив в распоряжении единственной дочки трехкомнатную квартиру на окраине Москвы.

Родители в Алисе души не чаяли – единственный ребенок, поздний и желанный. Сдували пылинки, потакали всем желаниям, и воспитывали как принцессу, самую красивую и достойную самого лучшего – мужчины, работы, ну и так далее.

Семья гордо носила фамилию Шпак, что в переводе с польского означает «скворец». Они и правда были похожи на скворцов, такие же звонкие и вечно суетные.

Алиса Шпак была красавицей – ростом чуть повыше Анны, русые волосы (которые она осветляла добела и подстригала четко очерченное каре с короткой челкой), маленький аккуратный носик, глаза чуть на выкате, мальчишеская худоба, милое обаяние молодости. Можно даже сказать, что при грубом рассмотрении Анна и Алиса были похожи, и в последующем их даже часто называли сестрами.

Двухнедельный сезон дождей закончился, как закончился и мучительно продолжительный конгресс, который изрядно высосал силы Анны. Все прошло успешно, и ее даже похвалили, правда, премию не дали – новым сотрудникам не принято, только после трех лет непрерывной работы. «Ничего, все еще впереди, я сама знаю, чего стою, и смогу взять это у жизни сама».

Резко потеплело, дни стояли солнечные, датчик в машине показывал аж двадцать восемь градусов, так что многие даже выкладывали подтверждение этого температурного рекорда сентября в инстаграм и фейсбук. Анна с Алисой были как раз из таких. Они первыми комментировали сообщения и фото друг друга в соцсетях в подтверждение полной осведомленности и глубокой уверенности в делах каждая своей наперстницы.

Девушки стали проводить вместе все свободное от работы время. Вместе ходили на фитнес и «зависали» после занятий в сауне. Делились шампунями, масками и прочей косметикой. Брали друг у друга одежду «напрокат».

Алиса ввела Анну в круг своих подруг, и их харизматичная Анна тоже быстренько обаяла. Все были от нее в восторге. И никто не задумался о том странном факте, что своих подруг у Анны не было. Вернее, она рассказывала о школьных и институтских подругах, которые все сидят дома с маленькими детьми, и потому разговоры у них на одну и ту же тему «какашек и пеленок». А потому она ни с кем из них не общается.

У Алисы, в отличие от Анны, были три близкие подруги, с которыми до встречи с Анной она общалась постоянно, все ее возраста – плюс – минус двадцать пять – Ксюша, Оля и Ирма.

Все трое, стоило им познакомиться с Анной поближе, прямо-таки влюбились в нее, и Алиса начала ревновать. Причем уже не подруг, а Анну, привыкнув, стараниями последней, безраздельно владеть ее вниманием.

Анна не стремилась подружиться с Ксюшей, Олей и Ирмой, не имея в том никакого корыстного интереса, но раз уж это само собой случилось, решила воспользоваться ситуацией, чтобы поиграть на нервах Алисы и еще сильнее привязать ее к себе.

Если Алиса по какой-то причине не могла встретиться с девушками (задержали на работе, что-то нужно купить по поручению родителей), Анна шла на встречу с ее подругами без нее. Алиса даже стала периодически делать Анне непрозрачные намеки из разряда «Ирма вообще-то не одобряет твой стиль в одежде» или «Оля не понимает, почему ты так жаждешь с ней дружить, вы же едва знакомы, и ей как-то неудобно». Все это делалось Алисой для того, чтобы вернуть себе единоличное владение Анниным обществом. Поступать так Алисе подсказало внутреннее наитие – за спиной она говорила подругам друг о друге не очень обидные гадости, пытаясь их «разделить».

Несмотря на это исподтишковое науськивание, девушки часто собирались впятером и скоро у них появилось много общих тем и интересов, они даже съездили вместе отдыхать в Египет. И это были самые лучшие дни на Анниной памяти, светлые мысли о которых до сих пор вызывают на ее лице улыбку теплоты.

-5-

Как-то раз во время очередной вылазки в модное кафе Ксюша поделилась с подругами своим открытием – она зарегистрировалась на сайте знакомств и уже получила свое первое приглашение на свидание. Девушки решили вместе попробовать зарегистрироваться. Все пятеро на тот момент были свободны, и в то же время очень хотели постоянных отношений. Конечно, поклонники были, и флирта имелось предостаточно, но так чтобы серьезно – ни одна еще толком не пробовала, за исключением разве что Анны.

В тот же вечер, в гостях дома у Ирмы, все пятеро, не откладывая, создали профили на сайте знакомств, согласовав друг с другом содержание и фотографии.

Ксюша почти сразу заинтересовала своего будущего мужа Алексея, они стали регулярно встречаться, а вскоре и жить вместе, после первого же свидания, и девушка стала реже появляться в компании подруг. Следом за ней Ирма познакомилась с до неприличия славянской внешности Иваном – в прошлом легкоатлетом, великолепного телосложения и с соломенными по цвету и структуре волосами. Все ожидали от Ирмы, что она станет искать себе армянина, раз уж сама армянка, но, коль скоро родители не требовали от нее кровного брака (армянкой была

мама, а папа – русский), и раз уж Ирма так сильно запала на Ивана, а он на нее, то они тоже стали встречаться. Правда, поженились только спустя три года, но до сих пор счастливо живут.

Чуть меньше повезло на сайте Оле, хотя причина была не в ее внешности (она была высокая блондинка худощавого телосложения и при этом с грудью третьего размера) или интересах (что были весьма разносторонни, от современного искусства до смешанных единоборств), сложно сказать, в чем была причина, но парни, которые писали в ее профиле, были в основном женаты и искали ни к чему не обязывающего времяпрепровождения. Несколько раз Оля отказывалась, но однажды не устояла.

И это оказался Игорь. Бывший Аннин муж. Который на тот момент успел жениться во второй раз на девушке из Нижнего Новгорода, той самой, что утешала его в разлуке с женой, когда они еще состояли в браке, и даже когда ничего не подозревающая Анна хранила верность мужу.

Игорь зарегистрировался на сайте для развлечения, и сайт в качестве комплимента выдал ему список однофамильцев, проживающих в Москве – разработчики сервиса знакомств все время внедряли какие-нибудь новые «фишки», чтобы пользователям было интереснее. Фамилия была редкая и Игорь сразу наткнулся на Анну, которая после развода осталась Беркут, а уже из перечня ее подруг выбрал Олю как самую, на его вкус, сексуально привлекательную. И с самой подходящей для себя, хищника, фамилией – Голуб.

Оля, или Голубка, как прозвал ее новый ухажер, несколько раз сходила с Игорем на свидания, прежде чем он признался, что у них есть общая знакомая, и эта общая знакомая никто иная как его бывшая жена, а ее нынешняя подруга – Анна.

К третьему свиданию Голубка уже успела по уши втрескаться в Игоря, растаяв от его отточенных многолетним опытом ласк (это был первый мужчина, с которым она испытывала такие сильные ощущения, когда он просто умело прикоснулся к ней в стесненных обстоятельствах салона авто, рискуя в любой момент быть застуканным случайными прохожими).

Полагаясь на собственные ощущения, Оля не сомневалась, что и Игорю также по-особенному хорошо с ней. Игорь действительно «выкладывался по полной» на каждом свидании, но Оля была не первой и не единственной девушкой, с которой он был близок. Игорь получал удовольствие от того, насколько «заведена» партнерша. У Игоря был целый арсенал приемчиков, которых хватало, чтобы разнообразить свиданий десять, после чего ему самому становилось скучно, и он начинал подыскивать новую жертву. Это началось еще задолго до Анны, после того, как его оставила первая жена – так он самоутверждался за счет молодых девчонок, принимавших болезненность его самооценки за серьезное чувство.

Секс не являлся обязательным пунктом программы, напротив, к сексу Игорь переходил не раньше, чем на шестом – седьмом свидании, тем самым удерживая и подогревая собственный интерес к девушке. Ровно также он решил действовать с Олей. Единственной, с кем его план провалился, была Анна, но она теперь в прошлом и его снова ничего не ограничивает.

На четвертом свидании с Голубкой от поцелуев и прикосновений сквозь одежду Игорь как бы случайно, а на самом деле следуя собственному сценарию, перешел к следующей стадии – запустил руку под просторное мягкое платье Оли и стал нежно ласкать ее свободную от белья грудь под легкой тканью. Убедившись в том, что Голубка одобряет его действия, Игорь скомандовал перебраться на заднее сидение своего БМВ и там уже, стащив с Оли платье, стал целовать ее обнаженную грудь, слегка покусывая каждый сосок. Затем опустился ниже, оставляя на животе влажную остывающую полоску, и, не переставая смотреть в Олины раскрытые от удивления глаза, раздвинул губы и принялся ласкать набухший клитор, одновременно вводя во влагалище пальцы. Дождавшись момента, когда Оля с трудом сдерживала крик удовольствия, прикусывая нижнюю губу, Игорь поднялся наверх и начал весь круг заново, откладывая Олин пик болезненной разрядки. Когда она наконец не выдерживала, извиваясь и вздрагивая, Игорь закончил прелюдию коротким поцелуем в губы. Оля была готова пойти до конца, броситься

в омут с головой, но Игорь с близостью не спешил. По сути, он уже овладел ей, и тем приятнее было откладывать тот момент, после которого, как он знал на опыте, его интерес к Оле поблекнет и будет с каждым днем только тускнеть и тускнеть, пока совсем не сойдет на нет.

Оля же, в силу своей юношеской восторженности, ни о чем таком не подозревала, а напротив, настроила себе иллюзий и планов. Она понимала, что безнадежно влюбилась в Игоря, человека, в которого, возможно, нельзя было влюбляться.

«Надо срочно рассказать обо всем этом Анне» – думала Оля, набирая ее номер сразу после их с Игорем очередного свидания «со счастливым концом». В трубке заиграла приятная мелодия вместо гудков, «что-то из «Будда бара»», подумала Оля.

– Привет, Оль! Как ты? Рада тебя слышать! – Анна всегда отвечала на звонки жизнерадостным и энергичным звонким голосом, независимо от того, кто звонил.

– Привет, Анют, дорогая, нам бы встретиться с тобой. У меня тут происходит нечто необычное... – Оля запнулась на полужеле.

– Оль, что случилось? Скажи сейчас, в чем дело, а подробности при встрече, – со своим природным любопытством Анне было не справиться, и, заглотив наживку, она уже готова была умолять Олю, чтобы узнать, о чем будет разговор.

– Ань, знаешь с кем я познакомилась на этом гребаном сайте? С Игорем Беркутом. Да, с твоим Игорем. И у нас с ним, походу, серьезно. – Оля долго репетировала, перед тем как сделать это короткое признание. Она хотела, чтобы фраза прозвучала ровно, а вышло все равно с дрожью в голосе, выдававшим чувство вины и только усиливая впечатление, что она что-то недоговаривает.

– Так он же вроде женился недавно, только меня он все равно еще любит, ты бы серьезно подумала, прежде чем... – Анна чуть не протаранила впереди идущую машину, так как ехала за рулем с работы домой к Алисе, где продолжала жить. Ей вдруг стало так неприятно, оттого, что она перестала ощущать себя роковой женщиной, по которой Игорь до сих пор сходит с ума.

«Он меня и не любил, наверное, раз так быстро утешился». «Выходит, не такая уж я единственная и неповторимая». Анна сразу начала грызть себя до самых костей.

– А ты уверена? Кольца он не носит и мне ничего про свой статус не сказал. Я всерьез им увлеклась, Ань. Надеюсь, ты не против? Вот звоню тебе спросить разрешение, если так можно выразиться.

«Раньше надо было просить, до того, как в постель с ним ложилась» – злобно подумала Анна, а вслух как можно более равнодушным тоном сказала:

– Оленька, у нас с ним давно все кончено. Так что развлекайтесь на здоровье! Только я бы тебе не советовала, раз он женат. И еще совет – предохраняйся! Да, и спасибо, что все мне рассказала! – И Анна повесила трубку.

– Чтoб он сдох! Чтoбы они оба сдохли, суки! – заорала она во весь голос и забарабанила по рулю, сигналив ни в чем не повинным водителям, застрявшим, как она, в пробке.

Оля не поняла, почему Анна так быстро закончила разговор, но результатом была вполне довольна. Теперь руки у нее развязаны, и можно пускаться во все тяжкие с Игорем. В то, что он женат, верилось с трудом. Она его, конечно, напрямую не спросила, успокоившись на том, что он не носил кольца, но из его рассказов поняла, что живет он один и во всех планах фигурирует только собственной персоной, без всякой жены.

Игорь же просто ощущал себя холостяком, в мыслях был мартовским котом, который гуляет сам по себе и приходит только тогда, когда ему чего-нибудь хочется.

Надо будет аккуратно разузнать.

А пока бабочки весело порхали в Олином животе, и она с удовольствием улыбалась от внутренней приятной такой щекотки.

Москва тем временем погружалась в предновогоднюю суету, а это значило не только по-европейски уютную иллюминацию в центре города, но и безумные пробки, и жуткий завал на работе, ведь начальству нужно было срочно доделать все дела до конца года, как будто за этой чертой все обнулится или того хуже, наступит конец света.

Коллеги Анны живо обсуждали подробности предстоящего праздника в кругу семьи, подарки детям и мужьям, каникулы со вторыми половинками. Слушая это, Анна постепенно обнаруживала себя добычей панической атаки, которая, незаметно подкравшись, уже готова была сомкнуться, как удав, на ее шее, и задушить насмерть. Паника приходила к Анне вместе с удушьем, от которого становилось физически трудно дышать. Тогда Анна звонила Алисе:

– Привет, Лис, говорить можешь? – она уже и уменьшительно-ласкательное для подруги придумала.

– Привет, дорогая, немножко занята, что-то срочное?

– Нет, я просто так звоню, узнать, как дела у тебя. Я уже предвкушаю нашу поездку. А ты фен будешь брать? – Анне было совершенно все равно, что подруга занята, ей нужно было внимание, нужно было сделать вид, что она кому-то нужна, тогда паническая атака возможно не задушит ее, а отступит хотя бы на время.

– Ой, у меня фен большой, просто бластер какой-то, давай лучше твоим карманным ограничимся, ладно? – деликатно и по существу отвечала Алиса, которая очень дорожила общением с Анной и понимала, как легко ее сейчас обидеть своим невниманием. – Дорогая, я все-так очень занята сейчас, мне срочно нужно оценочную ведомость доделать, мы же меняем компанию, которая боссов кормит, так тут знаешь, что творится, натуральная драка! Да нет, драка даже не то слово, война! Конкуренты, прикинь, что придумали! Проверку прислали на нынешнего поставщика, ложку им с полу подсунули и крысу дохлую, представь! Короче, не могу сейчас, иначе начальница меня убьет. Давай попозже созвонимся?

– Лис, ты знала, что Оля спит с Беркутом?

– Какая Оля? Да еще с Беркутом? Ты о чем вообще?

– Твоя Оля, сегодня позвонила мне и сказала, что на сайте к ней постучался мой Игорь, в смысле мой бывший Игорь, ну муж мой бывший! И они стали встречаться, ну и что она почти влюбилась в него! Ты была в курсе?

– Боже мой, Ань, нет, конечно, нет! Я впервые от тебя сейчас об этом слышу. Видимо, ты была первой, с кем Оля решила поделиться. Ну... что думаешь делать с этим? – Алиса и думать забыла про свой тендер на общепит.

– Вот гондон, я, честно говоря, в бешенстве просто! Он же ко всему прочему женат, он мне сам говорил, что женился на этой телочке из Нижнего, которая его там пригревала, пока я его в Москве ждала.

– Знаем мы, как ты его тут ждала. – Хмыкнула Алиса. – Ну? А Оля в курсе, что он женат? И ее это не останавливает?

– Я ей сразу сказала. Я же за нее в первую очередь волнуюсь, не за себя. Мне-то что, у нас с ним давно ничего общего, а ей он сердце разобьет. – Лицемерно сокрушалась Анна.

– Может, поговорим с ней вместе? – предложила Алиса.

– А что мы ей скажем? Если она уже в него влюбилась. Не будет она отказываться от него, ей походу голову совсем снесло. Как ты себе это представляешь?

– И это верно. Ну ладно, я пойду, тут у меня завал с этим тендером. Давай вечером подумаем, че как. Целую!

– Целую, пока, Лис.

Анна состроила из себя благодетельницу и заботливую подругу, хотя в глубине души желала Оле самых жесточайших страданий из-за Игоря, а ему тоже какой-нибудь мерзости. Желательно смерти. «Попросишь больше, получишь хотя бы что-то». Она уже ненавидела

обоих как злейших своих врагов и вынашивала план мести, направляя мощный поток дурной энергии в их адрес.

Тем временем на рабочий мейл пришло приглашение на собрание с пометкой «Очень важно» и восклицательным знаком. Рассылка была по всей компании, от имени управляющего директора.

В содержании письма значилось, что в ходе служебной командировки на производство к новому поставщику оборудования для шахт глубокого бурения произошла трагедия, которая унесла жизни троих сотрудников предприятия – на них обрушился тестовый роботизированный пресс, которого плохо закрепили. А те трое оказались прямо под ним по собственной халатности, подначивая друг друга и проверяя «на слабо». Нашли где дурачиться! Среди них оказался Никита Селезнёв. И сейчас всех сотрудников просят собраться в актовом зале, чтобы немного пособолезновать, обсудить, как можно помочь семьям погибших, а также для чего существует техника безопасности на предприятии и зачем ее соблюдать. Также там будут приниматься заявки на участие желающих в похоронах и обсуждаться детали и место проведения. Аннина первая реакция поразила даже ее саму: она громко засмеялась и выкрикнула «нифига себе денек!» и «бойся своих желаний!». Все вокруг были настолько шокированы новостью, что на ее неадекватное поведение не обратили никакого внимания. Подумали, наверное, что она о чем-то своем.

Анна послушала начало собрания, а потом, вызволив с передних рядов Алису, побежала с ней курить. Тут-то она призналась Алисе, что причиной ее страданий был не выдуманный персонаж, а теперь уже покойный Никита.

– Жалко Никитоса, я конечно все это время злилась на него, но такого я ему не желала. – Анна как будто чувствовала вину за случившееся.

– Анюта, моя хорошая, теперь я понимаю, почему ты так терзаешься на работе, ты ведь его любила, да? Это он, значит, тебя так тогда... ранил... Нехорошо говорить плохое о покойнике. Ну и гад же он, что так поступил. Тебе больно сейчас, наверное. Жалеешь его? – Алиса старалась подобрать слова утешения.

– Лис, мне легче стало. Некого больше ревновать, выходит. Я вот только о чем думаю сейчас – представляешь, я ему в сердцах не раз смерти желала. Можешь в это поверить? Вот и я в шоке. Я, конечно, тут ни при чем... И все равно как-то не по себе...

– Блин, еще бы! Но ты не бери в голову! Не ты же это подстроила, чтобы его укокошить! Сказали же – несчастный случай.

– Спасибо тебе, моя дорогая, за поддержку... Что бы я без тебя делала...

Девушки искренне заключили друг друга в теплые душевные объятия и так стояли, наверное, минуты три, пока на улицу не стали подтягиваться другие их коллеги, дослушавшие собрание до конца и решившие выйти «перекурить это ужасное известие». Тогда девушки резко сбросили с лиц и тела теплоту взаимной поддержки и пошли обратно в офис, додумывая произошедшее уже поодиночке, каждая в своем сером закутке.

Не прошло и часа с того момента, как закончилось собрание в актовом зале, а офис уже поспешил вернуться к прежнему ритму – люди как ни в чем не бывало сновали по серому пространству с бумажками, пытались опередить друг друга в очереди к принтерам, важно перминались с ноги на ногу перед кабинетами строгого начальства в надежде получить визу или резолюцию.

Как в офисе раздался крик, вернее даже назвать его воплем. Кричала вбежавшая и запыхавшаяся девушка, по внешнему виду напоминающая их с Никитой разлучницу, а ныне, получается, вдову, у которой, кстати говоря, прав на Никиту всегда было больше, чем у Анны, за выслугу лет, на него впустую потраченных.

Девушку звали Влада, и она была всего на пару лет старше Анны, а выглядела взрослее и как-то по-мужски, как будто под стать своему мужскому имени. Влада носила короткую

стрижку, темные волосы ее немного кудрявились, черты лица были грубые и как будто высе-
ченные из дерева, как сувенирные фигурки языческих богатырей. Анне бросились в глаза ее
большие руки, оканчивающиеся увесистыми ладонями с короткими ногтями, крашеными чер-
ным лаком. Влада кричала что-то невнятное, но Анна инстинктивно почувствовала, что лучше
ей убраться от греха подальше.

Но Анна как будто приросла к стулу и не могла даже шелохнуться. Дальше все происхо-
дило очень быстро. По нарастающему гулу несвязной брани Анна поняла, что Влада движется
в ее сторону, заходя со спины.

– Мне нужна эта ваша Беркут! Сейчас же! Покажите мне, где она сидит.

Ах, вот я уже и сама нашла! – Влада сначала по наитию, а потом с помощью табличек с
именами сотрудников на столах сразу отыскала нужный стол и уже бежала с кулаками в сторону
Анны. – Я тебе сейчас покажу, сучка такая, как чужих мужей уводить, а потом еще и убивать!
Это же ты все подстроила! Ну давай, признавайся перед всеми! Это из-за тебя он погиб!

– Я не понимаю, о чем она. Уведите ее! О ком она? Кто-нибудь, вызовите охрану! –
Анна, из всех сил сохраняя спокойную мину, обращалась за помощью к коллегам, которые
уже выстроились вокруг ее стола и наблюдали, что будет дальше. Все ждали драки, но двое
мужчин все-таки поспешили отвести Владу от Анны и вывести в зону ресепшен, где сдали ее
на руки охранникам.

Когда все закончилось, Анна на негнувшихся ногах ретировалась в туалетную комнату,
чтобы там успокоиться. Ее пробивала дрожь и к горлу подкатывало что-то горячее, а еще внизу
живота что-то сжалось от осознания того, что все, наверное, догадаются теперь, что у нее была
интрижка с Никитой. Да еще какая некрасивая. Ведь в понимании всех Анна была все еще
девушкой замужней, да и о том, что Никита на время расставался со своей Владой, тоже никто
не знал.

Когда Анна вернулась, был уже обеденный перерыв, и на местах почти никого не оста-
лось. У Аннинного стола стояла Алиса и обиженно кивала на часы – мол, ее законное обеден-
ное время идет, а Анны все нет и нет. Анна схватила сумку, и они поспешили укрыться в
дорогое и безлюдное кафе, где почти не было шансов встретить кого-то из коллег. Еще бы,
ведь за небольшой стейк тунца можно было легко отдать тысяч семь, а за свежавыжатый сок
– минимум тысячу рублей. Все цены в меню были указаны за сто граммов, а потому итоговый
счет всегда оставался предметом догадок – девушки в шутку соревновались между собой, кто
точнее угадает сумму.

Анна заказала большой ананасовый фреш и небольшой стейк чилийского сибаса, Алиса
же ограничилась порцией салата «Нисуаз» и изящным стаканом латте с мятным сиропом.

– Лис, что ты сейчас пропустила! Эта полоумная жена Никиты ворвалась в офис и стала
на меня с кулаками кидаться! Потом ее охрана повязала! – Анна постаралась выставить ситу-
ацию в максимально выгодном для себя свете, даже перед подругой пытаясь выглядеть лучше,
чем есть на самом деле.

– Вот жеванный крот! Не может быть! И все это видели? Что они теперь про тебя поду-
мают? – первая реакция Алисы была слабым утешением для подруги.

– Вот и я о чем. Боюсь за свою репутацию. Хотя надо было раньше думать. А Никите
поделом, так ему и надо, Сухарь, дятел тупой. То, что я ему желала, то и сбылось! – Анна дала
волю потоку грубостей в адрес своего обидчика.

– Серьезно? Думаешь, это твое внешнее намерение так сильно сработало? – Алиса сразу
ухватилась за реальное доказательство того, что теория управления реальностью работает. Она
давно уже болела этой теорией, с жаром отстаивая все ее постулаты, и Анну ей же заразила.
Анна принялась сразу же проверять действие теории на практике. И, как ей виделось, начала
быстро делать успехи.

– Уверена. Но на будущее надо быть осторожнее. – Про себя же Анна думала буквально следующее: «Вот круто, теперь у меня есть тайное оружие, и может теория тут даже ни при чем, просто она помогла мне открыть скрытое в себе».

Когда подали еду, девушки поспешили сменить тему и принялись обсуждать предстоящий совместный отпуск, жеманно смакуя пищу небольшими кусочками.

-7-

Не дожидаясь, пока Москву окончательно закрутит в потоке предновогодней горячки и радостного не-пойми-чего-ожидания, а потом зажует и брезгливо выплюнет первоянварским похмелем, хитрые подруги быстренько слиняли в Северную Африку. Тунис, если быть точнее – наиболее доступное из имеющегося на эти традиционно считающиеся самыми «горячими» в плане популярности даты.

В это время года в Тунисе было довольно прохладно – от силы градусов двадцать пять днем, а море прогревалось максимум до девятнадцати. Зато путевка обошлась не так дорого, как, например, в Азию, где как раз был высокий сезон.

Алиса вдруг вздумала на что-то там копить (Анна пропустила мимо ушей, на что) и заявила, что не намерена переплачивать за дорогой отдых. Анна поддержала подругу. Потому, что больше ехать было не с кем. Подвернись ей на тот момент обеспеченный ухажер, и она бы мигом «свинтила» с ним куда-нибудь на Мальдивы, не задумываясь о судьбе подруги.

А покамест, не имея лучшей альтернативы, девушки наслаждались тунисскими своими спа-процедурами с применением местных грязей и водорослей, причем, опять же, по смешным по сравнению с московскими, ценам. Скрабы, обертывания, замечательные массажи, и так по два часа кряду хоть в четыре руки, хоть в шесть.

Вечно жаждущей приключений и адреналина Анне быстро наскучил размеренный, как она его быстренько окрестила «овощной» и «пенсионный» отдых. Но поскольку это была первая совместная поездка новоявленных подруг, откровенно нарываться на приключения Анна не спешила. Вседа успеется во что-нибудь вляпаться.

Девушки еще больше сблизилась, Алиса настолько сильно привязалась к Анне, что стала бояться потерять ее, начала даже ревновать Анну к ухажерам, которые обращали на нее внимание, и безыскусно отбраковывать всех подряд. Кандидатов на знакомство было предостаточно, но девушки предпочитали проводить время вдвоем, пытаясь постигнуть тайны психологии отношений и эзотерики. Анна часами могла говорить о том, как странно прервались их отношения с Никитой, и пыталась с помощью Алисы найти причины в себе или в нем. Алиса с удовольствием исполняла роль психоаналитика, немного рассказывая о своих недолгих опытах отношений. Был один серьезный курортный роман и несколько интрижек в ночных клубах. Девушки были молоды и беззаботны. Их не тяготило ни бремя ответственности, ни груз житейского опыта.

В путешествии, как и полагается близким подругам, у девушек все было общее – одежда, косметика, духи, фен... Они даже взяли один чемодан на двоих – у Алисы был большой пластиковый спортивный, который было удобно катить и на двух, и на четырех колесах. Анна и сама ни с кем так раньше не сблизилась, а Алиса, похоже, умела по-настоящему дружить. И открыла Анне душу взамен на полное распоряжение своим свободным временем.

Самые скучные, по невысказанному вслух мнению Анны, каникулы пролетели быстро. Обе подруги были даже рады возвращению в Москву, где они с новыми силами взялись за сайт знакомств (в их тунисском отеле был очень слабенький вай-фай, и они заключили договор – в отпуске забыть о московских знакомствах). В итоге в Тунисе они так ни с кем и не «замутили». Так, их угощали коктейлями пару раз, и этим все ограничилось.

– Скуотища, одним словом, – соглашалась Алиса с Анной. – В следующий раз выберем место повеселее!

-8-

По приезду Анна встречалась с несколькими молодыми людьми с сайта знакомств, и в каждом из них пыталась разглядеть свою судьбу, но все было не то. Один из ее новых знакомых Стас, например, был интересным собеседником, и вроде бы увлечения у них совпадали, да и с материальным положением у него все было более чем в порядке, благодаря обеспеченным родителям, но во время третьего или четвертого телефонного разговора Анна почувствовала, что он что-то не договаривает. Когда стало ясно, что пора увидеться лично, Стас признался, что уже десять лет как прикован к инвалидной коляске. В восемнадцать сбил на машине оленя, тот влетел в лобовое стекло, парень попал в реанимацию с серьезной травмой позвоночника. Его друг и девушка друга, которые тоже были в машине, отделались несколькими ушибами. Вся сила удара пришлась на водителя. Анна со Стасом до сих пор «дружат» в соцсетях, но встречаться в оффлайне Анна побоялась.

С другими потенциальными кандидатами знакомство заканчивалось одной – двумя встречами, во время которых Анна понимала, что от нее ждут лишь интимной близости, она же была настроена на длительные отношения. Она уже было отчаялась и удалила почти все фото с сайта, и в этот самый момент появился Роман Воробьев.

«Судя по фоткам, очень даже ничего. И какой разносторонний – вот он где-то в Альпах на сноуборде, вот на вейкборде, причем исполняя сложный трюк с прыжком, вот он на спортивном байке...» – Анна завороченно листала его профиль, зайдя на сайт «в последний разок» с рабочего компьютера.

– Привет, Анна :) Меня Роман зовут. Предлагаю не тратить время на переписку в Интернете и сразу созвониться. Пиши свой номер телефона. – Анне понравился такой смелый подход, и она быстро, но нарочито небрежно набросала одиннадцать цифр своего номера, пренебрегая пробелами («как будто тороплюсь»). Смайликов не стала ставить намеренно – как будто у нее есть дела поважнее, «чем кокетничать тут».

Звонок на мобильный раздался сразу же, едва она нажала кнопку «Отправить». Поспешив ретироваться в свободную переговорную комнату, Анна стояла, не включая свет, и смотрела из-за плотной жалюзи вниз на колодец офисного здания, стараясь унять волнение перед разговором.

– Привет, Анна, это Роман. Тебе удобно сейчас разговаривать?

– Привет, да, удобно, я отошла в переговорную, меня никто не слышит.

– Ты на работе, значит? А чем ты обычно занимаешься после работы?

– Обычно иду на фитнес, чтобы переждать пробку, а потом еду домой спать.

– О, я тоже, знаешь ли, ни дня без спорта. А где территориально ты живешь?

– Сейчас у подруги на Дмитровке, но скоро перееду в свою «однушку» в Химках. А ты? Вопросы те же, что и у тебя – где живешь, работаешь...?

– Не поверишь, я в Химках живу и работаю. Работаю в «кораблях», наверняка ты видела эти офисы из стекла, по форме напоминающие два круизных лайнера. Туда переехали многие крупные компании, в том числе «Форд», вот я там и работаю, в продажах. И живу недалеко, в двух кварталах. Ну а ты, где работаешь?

– Ну... моя работа связана с нефтяным бизнесом...

– Как все серьезно-то у нас! У папы вышка, что ли? Да ты завидная невеста!

– Если бы! Я наемный сотрудник, год как на Удальцова работаю, в головном офисе «Нефтегаза».

– Круто! Я же сказал, что ты завидная невеста! Осмелюсь спросить, ты что сегодня вечером делаешь? Может, погуляем? Ну, или поужинаем вместе?

Через трубку слышно было, как Анна улыбалась:

– Нууу, после работы еду на новую квартиру, нужно встретиться с прорабом, они уже заканчивают ремонт.

– Не против, если я заеду к тебе, раз мы соседи, прогуляемся?

- Конечно, заезжай. Адрес смс-кой скину. Думаю, я к восьми уже освобожусь.
- Договорились. Подъеду наберу.

К концу разговора увлекающаяся натура Анны так загорелась новым знакомым, что стала уже рисовать себе картины совместного будущего, быстро убедив себя в том, что Роман – это ее судьба, ведь у них столько общего, что нарочно не придумаешь. Она даже примерила к своему имени его фамилию – «Анна Воробьева». Звучит, конечно, помельче, чем «Беркут», но в целом неплохо.

Вечером того же дня Роман заехал за Анной на служебном «Фокусе».

Анна решила сделать ставку на естественность, чтобы не выдавать, что готовилась и ждала этого свидания. И Роман увидел беззаботно выпорхнувшую из подъезда юную особу в короткой голубой джинсовой юбке, белых «конверсах», свободной футболке и совсем без косметики. Анна сильно похудела от переживаний – как-никак трагически погиб Никита, перед эти разбив ей сердце, а бывший муж, едва она оправилась от развода, начал крутить с ее подругой Олей, параллельно – стремительная покупка собственной жилплощади и ремонт, и требующая определенных усилий и отдачи дружба с Алисой.

Но и после всего пережитого мир виделся Анне полным ненапрасных крутых поворотов судьбы и таинственного смысла, который она вот-вот, казалось, сумеет постичь. А затем и научится всем этим управлять, разумеется себе на пользу. Она прекрасно ощущала себя, и была уверена, что Роман по достоинству оценит ее точеную фигурку и милое личико. А затем и многослойную душу, и сильный характер...

«Завидная невеста, – вот о чем думал Роман – с собственной квартирой в Химках!».

В гардеробе у Анны было множество мини-юбок и обтягивающих кофточек, подчеркивающих достоинства ее фигуры. Правда, и недостатков у себя Анна находила великое множество, так как мать воспитала ее убежденной перфекционисткой – «четверка в четверти – плохо, ты можешь лучше», «муж-клерк – мелковато, ты достойна олигарха». Отсюда куча комплексов – грудь маловата, зубы не очень ровные – один немного торчит сбоку и это видно при широкой улыбке, талия недостаточно узкая, руки недостаточно подтянутые. Анна почти не красилась и без косметики выглядела совсем молодо – лет на двадцать, не больше. Возраст выдавал только слегка циничный, тяжелый пристальный взгляд, который, казалось, сканировал оппонента насквозь, глубже чем рентген в аэропорту на досмотре.

Роман сразу понравился Анне внешне. Он был высокий блондин спортивного телосложения, с правильными чертами лица (она сразу подумала, что хотела бы, чтобы у ее детей был такой формы нос). Но что-то было отталкивающее в его слащавой улыбке. И еще у него был какой-то дурацкий мальчиковый смех, совсем не мужественный. Но ни в первый вечер, ни в последующие Анна не придавала значения этому мимолетному наблюдению. Ей и в голову не пришло тогда, что это может быть недостатком. Выдавать нехватку мужественности, или того хуже, мужского гормона тестостерона.

Они решили прокатиться по району – Анна попросила Романа сделать ей небольшую экскурсию, и погулять в химкинском парке. Было начало лета и прошел почти год с тех пор, как Анна рассталась с Никитой. После «мир его праху Сухаря» у Анны ни с кем не складывалось, и она соблюдала осознанный целибат, решив, что позволит себе близость только с тем, кто ее действительно заинтересует.

Только что полетел тополинный пух, который лез в глаза и прилипал к губам, особенно к блеску, само название которого было каким-то липким, но Анне так нравился этот его аромат и сладкий вкус, что она успешно на него подседала. Брезгливо стирала с губ налипший пух вместе с блеском и тут же снова жирно мазала губы из глянцевого тюбика.

Листва на деревьях была такой молодой и сочной, а в воздухе пахло свежестью, зеленью и свежескошенной травой. Припозднившийся подстригатель смачно орудовал ручной газонокосилкой, издавая такие звуки, как будто резал гигантский листовой салат.

«Ммм, хрустящий «Айсберг» с соевым соусом и оливковым маслом» – перед глазами Анны встала тарелка ее любимого аппетитного салата и, вечно ограничивающая себя в еде, она мгновенно почувствовала себя голодной.

Груда нарезанной травы, как жмых из соковыжималки, валялась тут же – за ней, видимо, придут утром и все уберут. Пух скатывался по обочинам дороги и образовывал сугробы, как будто летом выпал снег, и Анне так захотелось поджечь его, как в детстве, и смотреть, как ярко вспыхнет и побежит по дорожке огонек, оставляя за собой чистый асфальт, усыпанный оставшимися голыми семенами тополя.

Спросила, есть ли у Романа зажигалка.

– Я не курю. Я за здоровый образ жизни! – Анна жестом направленного вверх большого пальца показала свое восхищение и про затею с пухом решила промолчать.

– Я тоже, ну только кальян иногда.

– О, так это я тоже, да сейчас, по-моему, все поголовно курят кальян, просто эпидемия какая-то в Москве. Так что можем как-нибудь вместе.

– Поддерживаю!

В парке гуляли в обнимку парочки, и вся окружающая атмосфера мягко намекала на то, что наступила наконец пора свиданий и романтических шляний под луной. Роман держал руки в карманах толстовки, а Анна сжимала в руках взятую с собой кожанку, так что шли они по отдельности, и обсуждали их общие интересы, путешествия, приключения и экстремальные виды спорта. Рассказывал в основном Роман, а Анна внимательно слушала, то и дело заглядывая ему в лицо, чтобы лишний раз продемонстрировать, как для нее важно то, что он ей говорит. Она предпочитала щедро пользоваться вычитанными в книжках по НЛП приемчиками и постоянно пополняла свой арсенал новыми знаниями в области мягкого манипулирования нужным на данный момент субъектом.

За один вечер Анна узнала, что Роман увлекается спортивными самолетами и автомобилями, мотоциклами, кайтбордингом, любит погонять на картодроме и полетать в аэротрубе. Анна не забывала всем своим видом показывать, что все это ей безумно интересно.

– А зимой чем увлекаешься? Лето в Москве короткое, к сожалению... Пролетит – и не заметишь. И как же порой обидно в офисе сидеть, когда на улице погода такая суперская!

– Это да, ты права. Зимой – сноуборд, зимний кайт, ну а так, если удастся, стараюсь уехать куда-нибудь в теплые страны, подальше от депрессивной московской зимы.

– Я между прочим тоже на сноуборде неплохо катаюсь! Вот в следующем сезоне хочу фрирайд попробовать, только пока не с кем, так что думаю, придется инструктора брать.

– Ну так, а я тебе чем не инструктор? Фрирайд – это как раз моя тема! С удовольствием тебя научу. Мы как раз с друзьями в Австрию собираемся. Так что если захочешь, милости просим!

«Вот это он дает, уже совместные планы, на первом же свидании! Хотя подожди развешивать уши! Может это он только красуется, а что там дальше будет, так это пока никому не известно!» – На этот раз здравый смысл, кажется, пересилил эмоции, и Анна возможно даже слишком холодно ответила:

– Поживем – увидим, Ромочка, нам пока рано так далеко заглядывать!

– Хочу тебя сразу попросить – не коверкай мое имя, пожалуйста! Я его итак не особо люблю – ума не приложу, зачем родители меня так называли. «Роман» – это шуры-муры какие-то, ну как у нас с тобой скоро будут, а не имя для мужчины. Так что, если не сложно – просто Роман. Договорились?

– О... да, конечно... Конечно, Роман. Мне нравится твое имя. «Роман» – это еще и вид литературного произведения, ну как пьеса, или что там еще, сонет, что-то на ум больше не идет ничего. – Анна смущенно засмеялась, чтобы разрядить обстановку. – Так и роман. Ну все-все, Роман. Договорились! Меня, кстати, тоже с детства называли Анна, без уменьшительно-лас-

кательных. Так я привыкла, по-другому теперь не воспринимаю. Так меня все и называют – не Аня, не Анечка, не Анюта, – только Анна.

– Ну вот и чудненько, Анна. А знаешь еще, что? Скучать нам вместе точно не придется, и с совместным досугом проблем у нас точно не будет – это я тебе гарантирую!

– Что ж, охотно верю, Роман!

Часам к одиннадцати, когда стемнело, Роман отвез Анну домой к Алисе и на прощание они поцеловались, стоя перед дверью подъезда. Анне подумалось – какой правильный поцелуй, ничего лишнего.

Техникой ее новый кавалер владел отлично, спору нет, но все это было как-то слишком уж отшлифовано, что ли. Как будто бы даже тренингом «Искусство французского поцелуя» пахивало, подумала Аня и припомнила, что и сама посещала подобные «в молодости». И эта дурацкая улыбка все портила. Он даже пока во рту у нее елозил, улыбался – она это чувствовала и уже от этого бесилась.

«Что там, цирк что ли у меня во рту? Или это мой зуб кривой его так рассмешил?». И она мигом свалилась в канаву со всеми своими комплексами и стала смаковать их – неровный зуб, небольшая грудь, так, что там еще...

Пока внутри у Анны догорал пожар самоедства, Роман целовал ее в губы, долго и тщательно, а она все думала: «очень надеюсь, что во время секса ты так не будешь улыбаться», «хотя, впрочем, может, не так-то он и плох», «а если это и правда из-за моего зуба, сам-то он весь такой идеальный».

Аниной душе было как-то не по себе, она съежилась и всю «стебалась» над ее ухажером, над ее мыслями про неровный зуб, да вообще над всей этой ситуацией с интернет-знакомством, в то время как разум упорно твердил, что все нормально.

Н-даа, где же бабочки?

Бабочек себе пришлось самой додумать, оторвавшись от Романа и жадно глотнув свежего июньского воздуха. От земли так и пахло жаром, накопленным в течение дня, а теперь щедро отдаваемым, подобно тому, как пышная деревенская красавица отдает себя на сеновале какому-нибудь там сельскому красавцу-пастуху, не думая о последствиях, ведомая не рефлексией воспаленного мозга, но самую природою, всю, без остатка.

Казалось, подавляющая часть жителей «замкадья» высыпала сейчас по двору кто с пивком, а кто и с чем покрепче, ну и с семечками там и кальмарами солеными.

– Ты только посмотри – везде «налузгано», вот безобразие! – искренне возмутилась Анна вместо того, чтобы изобразить восторг или смущение после поцелуя.

– Ну, до завтра? – Роман не сомневался в том, что покорила Анну с первого взгляда. С первого слова. А поцелуем окончательно вскружил ей голову.

– До завтра! Роман. – Анна приложила ключ-таблетку к магнитному кружочку и скрылась под писк тяжелой железной двери. Недолго подумав, пока ехала в лифте, она решила это интернет-знакомство продолжить. Несмотря на сотню мелких подсознательных «но».

– Ну? Как прошло? Что у вас было? Давай рассказывай! У тебя что, «аймесадж» выключен? Ты почему на сообщения мои не отвечаешь? – набросилась на Анну Алиса, не успела та еще войти и разуться. Стоило Анне переступить порог квартиры и включить звук на телефоне, она обнаружила с десятков пропущенных от подруги и еще столько же сообщений.

– Как я рада тебя видеть, Лис! – Анна чмокнула подругу в щеку и вместо раздражения подумала: «И все же, как же хорошо, когда дома ждут!» – Все прошло хорошо. Мне вроде понравилось. Мы целовались. Внизу.

– И это все? Ну расскажи поподробней, мне же интересно! Куда вы ходили, что делали? Какие перспективы?

– Лис, начнем с того, что он не женат! Ну а про перспективы рано пока, но мне кажется, это «мой человек». Мы так похожи, в смысле интересов. В общем, наверное, он меня «зацепил». – Казалось, Анна сама себя уговаривает.

– То есть ты хочешь сказать, что у него такие же интересы, как у нас с тобой? Теперь он будет с нами везде таскаться? Ты ведь не собираешься сразу близко его к себе подпускать? – Алиса сразу же разнервничалась, как будто кто-то заступил на территорию ее владений.

«Ну это уже слишком. – подумала про себя Анна. – Это ж как моя вторая мама получается – все ей надо контролировать!». В последнее время Алиса и правда стремилась отслеживать каждый шаг подружки и пресекать любые проявления независимости.

– Алис, насчет сближения, время покажет. Он позвал меня в выходные в кайт-клуб на Истре. Хочет показать, как он управляет кайтом, и меня заодно научить.

– Да ладно?! Ты же его совсем не знаешь!? Надеюсь, ты отказалась? Во-первых, кайт – это опасно, во-вторых, вы же в одном номере будете жить, значит точно переспите. Ты обо всем этом подумала?

– Лис! Ну что ты со мной как мамочка! Я может уже и хочу с ним переспать! Меня он «зацепил», а это не так уж часто случается в последнее время. Я как вернусь – сразу же к тебе! Ты обо всем первая узнаешь. Честно-честно.

Впереди оставалось еще три будних дня до выходных, и Анна решила, не теряя времени, обсудить с Алисой серьезнейший вопрос – то, как они будут вместе зарабатывать каждая свой первый миллион. Она давно и тщательно придумала пошаговый план, выгодный для них обеих. Сам бог велел – Анна распоряжалась деньгами компании, Алиса выбирала того, кому эти деньги заплатить за приобретаемые товары и услуги. Утром в среду поехали в офис на одной машине, и Анна быстро и обстоятельно изложила свой план. Лучшего момента и представить себе нельзя было – вчера Анна поняла, как Алиса ею дорожит, и решила, что теперь подруга согласится на все, что угодно, лишь бы ее не потерять. И Алиса согласилась.

– Ань, да я и сама это хотела предложить, только стеснялась. А ты такая молодец, я так благодарна тебе за этот разговор!

Так было положено начало их совместного бизнеса. Было решено начать «сегодня же». С того самого дня подружки наладили совместный процесс выгодного обоим выбора подрядчиков для Аннинных проектов, и обе стали очень недурно зарабатывать. Так, не прошло и года, а Анна уже сумела выплатить весь долг по ипотеке за покупку «однушки» в Химках (покупая ее, Анна воспользовалась весьма рискованным предложением ипотеки с «конским» процентом, зато почти нулевым первоначальным взносом). Алиса тем временем поменяла старенький папин «Шевроле Лачетти» на новый «Прадик» и одеваться стала исключительно в «Цветном» и в «ЦУМе».

-9-

– Представляешь, всю ночь думала о Романе, не могла уснуть. Вот бы на этот раз получилось, вот бы у нас завязались настоящие, как говорят, серьезные, отношения. В свои двадцать семь перспектива быть одной совсем не улыбается! – Делилась Анна с подружкой в курилке. Теперь, когда финансовые дела начали налаживаться, можно было с чистой совестью немного «попариться» и о «личном».

– Ну вот, опять ты начинаешь, да с чего ты взяла, что можешь остаться одна, между отношениями тоже должен быть перерыв, нельзя переходить из одних отношений сразу в другие, так и вкуса не почувствуешь! – В том, что не касалось ее самой, Алиса всегда давала отличные советы. Она не переставая штудировала все новые и новые книжки по психологии, и теоретических познаний о жизни у нее имелось в избытке.

Анна, при всей своей внешней кажущейся самодостаточности, совершенно не умела находиться наедине с собой. Она, конечно, мечтала наконец доделать ремонт, и засыпать и просыпаться в своей новой квартире, без маминых кошек, и даже без Алисы, ревностно охра-

няя в мыслях свое будущее личное пространство. Никого к себе лишний раз не приглашать, подруг оставлять на ночь только самых близких, даже Алисы не было в списках постоянных посетителей ее «будуара».

И все же Анна с детства прямо-таки панически боялась одиночества. Ее начинало колотить изнутри, если вдруг маячило провести пятничный или субботний вечер в отсутствие планов и без надуманной спешки. В будние дни такой проблемы не возникало. Большая часть времени уходила на работу, остаток дня – на дорогу. Между делом нужно было выкроить в ежедневном графике хотя бы час на фитнес, который Анна старалась не пропускать. Посещала в основном групповые занятия высокой интенсивности, тренируя сразу и тело, и душу, ведь в каком бы настроении она туда ни пришла после напряженного дня в офисе, выходила обновленная, уставшая, но довольная.

Анна очень надеялась на то, что Роман и станет ее спасителем от внутреннего одиночества. Станет ее бездонной чашей, откуда она сможет неограниченно и в любое время черпать энергию. И поэтому она была готова на все, чтобы произвести на него впечатление. Цели научиться управлять кайтом и при этом еще стоять на стремительно несущейся доске в ее списке не было, но она решила, что сделает это, чтобы разделить увлечение Романа и тем самым расположить его к себе.

Будние дни пролетели в обычной офисной суете и наступил вечер пятницы. Анна после работы заглянула в фитнес-клуб, на занятие, представлявшее собой смесь разных боевых искусств, и, выжатая как лимон, и затем ударно распаренная в сауне, вышла навстречу Роману, который заехал за ней на своем серебристом служебном «Фокусе». Пришлось простоять в пробке два с лишним часа, прежде чем они добрались до подмосковной Истры, мекки для любителей ветра и воды, куда стекалось, кажется, целое паломничество серферов всех мастей и просто любителей весело провести время в атмосфере, пропитанной парами адреналина и алкоголя.

Они заселились в небольшую гостиницу, где Романом был заранее забронирован номер. Выпив по бокалу вина в последнем работающем баре на минус первом этаже, поднялись в простенький номер. Роман безапелляционно заявил, что надо ложиться спать, с тем чтобы на завтра чуть ли не с рассветом пойти занимать им оборудование и инструктора для Анны.

Анна послушно подчинилась и ворочалась на краешке кровати, удивляясь тому, что Роман даже не пытается к ней «приставать». Скоро она уснула, и, кажется, сразу же открыла глаза под звуки двух будильников его телефона. Роман был уже в душе, и, высунувшись из двери, поинтересовался, хватит ли Анне пол часа на сборы. И вид, и голос его были бодрими, и она поняла, что Роман проснулся задолго до будильников.

– Для верности всегда завожу два будильника, чтобы точно не проспять. Вставай, соня, собирайся скорее! Надеюсь, пол часа тебе хватит? А больше у нас и нет, иначе позавтракать не успеем. Нам надо успеть на кайт-станцию к открытию, иначе все расхватают! Ты же видела, сколько людей вчера заехало!

Затем чмокнул ее в губы, смотря при этом сквозь нее и думая о чем-то своем, и продолжил собираться, мысленно уже летая над водой.

Наскоро позавтракав (столовая в такую рань еще не открылась и им пришлось стащить со шведского стола сухих мюсли и апельсинового сока – единственное, что успели вынести или, что даже более вероятно, не убрали со вчерашнего дня).

Сразу по прибытии в кайт-клуб Роман встретил знакомого инструктора и тут же «завербовал» его для Анны. Поторопившись передать Анну на руки инструктору, сам поспешил выбирать себе арендные кайт и доску, затем, размотав стропы на пляже, аккуратно все уложил и отправился выполнять свою летную программу.

Анну же ожидала утомительная лекция на пляже на тему того, откуда дует ветер и как научиться его ловить и с помощью него управлять гигантским змеем. Лекцию слушали человек

пять помимо Анны, инструктор рисовал палочкой на песке схемы, которые должны были сделать объяснение понятным, и вопросов никто не задавал, в то время как Анне становилось все страшнее и страшнее оттого, что она ничегошеньки не понимала, а лететь сейчас придется. Но, вопреки опасениям, сразу лететь никто не дал, так как полагалось еще отработать усвоенную информацию на берегу с небольшой имитацией кайта. Анна повторяла все за инструктором и у нее получалось, но КАК это получалось, понять она не могла.

– Смею предположить, понять это нереально, кроме как почувствовать? – с надеждой поинтересовалась Анна у Антона, так звали ее инструктора.

Дочерна загоревший, со светлыми морщинками вокруг глаз, выцветшими от солнца и засоленными от морской воды волосами, в такой же выцветшей футболке и свободных шортах, которые держались, казалось, на самых кончиках его накачанных ягодиц. Антону было чуть за сорок и по его внешнему виду понятно было, что весь год он путешествует за ветром и солнцем в поисках не такого уж и легкого, как могло показаться на первый взгляд, заработка.

– Вообще-то, лучше все понимать, потому что на воде я буду давать тебе команды, которые тебе нужно будет быстро выполнять. Давай еще раз объясню, что именно не понятно? – Антон напрягся. Вообще-то девушек учить он не очень любил – долгое и неблагодарное занятие. Разве что очень красивых и свободных, которые были не прочь пококетничать и желательнее с ними к чему-то не обязывающим продолжением. Но тут было другое дело – эту худосочную красотку привел Роман, а значит Антону наверняка ничего не светит.

– Честно – все не понятно.

– Ну пойдем тогда на песок, я тебе еще раз все нарисую.

Оттого, что он еще раз начертил на песке свои непонятные схемы со стрелочками, обозначающими направление ветра, и градусами угла наклона строп, Анна только еще больше запуталась и испугалась.

– Ну что, теперь получше? Готова идти на воду?

– Ну да, спасибо, Антон, стало немного понятнее. – Пришлось солгать, потому что объясни он ей еще хоть три раза, от этого она не поняла бы больше.

– Ну тогда бегом переодеваться в «гидрик». И перчатки не забудь, а то все пальцы сотрешь.

– Антон, а перчаток у меня нет... – надеясь на спасение, промямлила Анна. – «Вот сейчас он скажет, что полета сегодня не будет, раз нет перчаток».

– Ну ничего страшного, возьмишь сегодня мои. Вот, держи. – Перчатки были явно большего размера, чем был ей нужен, влажные и пахнущие, как затхлый зонт, который не раз посушили в сложенном виде. От этого стало как-то еще страшнее. Внизу в животе забурлило.

По дороге в раздевалку, с арендованным резиновым костюмом наперевес и с Антоновыми мокрыми перчатками Анну со страха прихватила медвежья болезнь. Она стала судорожно искать туалет, который оказался одиноко стоящим деревянным домиком на противоположном конце пляжа. Кое-как справившись, она вернулась в раздевалку и переоделась. «Выгляжу как водолаз» – на всякий случай сделала «селфи» на свой смартфон и спрятала все свои вещи в жестяной шкафик. Сразу нацепила отсыревшие перчатки.

Занятие на воде длилось целый час и весь этот час Анна больно шлепалась об воду, стоило ей поднять кайт и наполнить его ветром. Но за последние десять минут ей удалось-таки два раза встать на доску и продержаться на воде несколько секунд. Пока она мучилась от страха и беспомощности, нагруженная громоздким и неудобным, как ей казалось, оборудованием, мимо пару раз с победоносным воплем пронесся Роман, приветствуя ее довольной улыбкой. В ответ она тоже попыталась изобразить, что получает удовольствие.

Когда все наконец закончилось, она вышла из воды с видом победителя и поспешила снять с себя экипировку, в спешке забыв поблагодарить Антона за занятие и записаться на следующий урок. На берегу уже ждал Роман.

Мокрый и довольный, он сидел, улыбаясь, на своей доске и с нежностью смотрел на Анну.
– Ну как?

– Адреналина от полета хватит на ближайшие пару суток! Ты же видел, под конец у меня получилось! – Анна уже и сама как будто поверила, что ей понравилось. И чувствовала удовлетворение от того, что переборола себя и совершила такой смелый для обычной девчонки поступок. Встала на кайт.

– Еще полетишь?

– Да, конечно! – Про себя Анна вспомнила, что надо бы поблагодарить Антона, а то как-то некрасиво она убежала после урока. Вдруг они еще сюда приедут. От этой мысли снова забурлило внизу живота.

– Я была как будто под кайфом, когда занятие закончилось и я осознала, что у меня был настоящий полет над водой! Меня накрыло волной такого мощного возбуждения, ко мне пришло так много энергии, я была готова на все что угодно, лишь бы это продолжалось! – рассказывала Анна о своем приключении Алисе, сидя на ее кухне с кальяном и бутылкой джина на двоих, которая была куплена чтобы хоть как-то компенсировать адреналин в крови. От адреналина, что называется, «колбасило», и Анна места себе не находила, то садилась, то вставала, то ходила взад-вперед. Когда опасность миновала и полет был уже позади, на смену страху пришла необъятная гордость за свой поступок (плюс пять баллов в копилку самооценки!). Рассказывая обо всем Алисе, Анна как будто смотрела на себя со стороны, явно приукрашивая свои впечатления и достижения.

Роман до самого вечера гонял на кайте, предоставив Анну самой себе. После урока с инструктором она в гордом одиночестве сидела на песке, загорая и наблюдая за другими спортсменами. Все были «на воде», так как ветер был отличный. А пляжа как такового тут не было, никому он был не нужен – да и небезопасно было сидеть под вечно пролетающими над головой стропами.

Анне ничего не оставалось, как изображать, что она присела отдохнуть, а не от безделья мается, и она решила пойти на ресепшен станции, узнать, где тут можно чего-нибудь выпить, а заодно разыскать Антона, чтобы сказать ему спасибо.

После насыщенного экстримом дня Роман повел Анну ужинать в гостиничный ресторан. За ужином пили алкогольные коктейли, Роман заказывал в основном все то, что поджигалось и горело, и на них вскоре перешла Анна, и тут решив не отставать от своего нового кавалера.

Они вернулись в номер они уже изрядно подвыпившие. Анна фантазировала о том, каким будет их первый секс, но инициативу первой решила не проявлять – хотя ей этого хотелось. Роман же, казалось, обязательную программу дня уже выполнил и судя по всему был готов удовлетворенно завалиться спать. Тогда Анна позабыла о данном себе обещании «первой не приставать» и остановила его на выходе из ванной долгим поцелуем, запустив руку в его спутанные волосы. Роману пришлось сдаться.

Он выполнил все технически безупречно и довольно быстро. Правда, даже футболку с Анны не снял. Она не успела испытать ни возбуждения, ни разрядки. «Это адреналин от полета помешал» – успокоила она себя немедленно. Хотя не без удовольствия про себя отметила внушительные габариты достоинства Романа. Наутро они проснулись, позавтракали в «совдеповской» столовке вареными яйцами и творогом, запили все это кофе со сгущенкой, вкус которого был воспоминанием из детства, и поехали гулять по Истре. А затем сразу в Москву, пока не начался массовый исход дачников, обычно чреватый жуткими пробками на подступах к МКАДу.

Анна сразу помчалась к Алисе, и подруги еще долго сидели вдвоем на кухне и обсуждали бурные выходные Анны, а наутро, не выспавшиеся и похмельные, поехали вместе на работу.

Потом у Анны случилась командировка в Питер на несколько дней, и во время ее отсутствия они с Романом активно переписывались по смс. По прилету Роман, разумеется, встретил Анну в аэропорту, и они решили поехать к нему.

Анна оценила холостяцкую берлогу, где не было ничего съестного, кроме пельменей, кока-колы и специально купленной по случаю ее визита бутылки вина и большой тарелки винограда. Квартира оказалась съемной, родители Романа жили в Солнечногорске, а он перебрался сюда, поближе к Москве и к работе. Всюду царили пыль и запустение, и липкие пятна от сиропа, следы сладкой жизни, с налипшими сверху тополиными пушинками. Хотя и видно было, что квартира новая с не так давно сделанным аскетичным ремонтом «под сдачу», в ней застоялась какая-то затхлость, а в воздухе разлилась липкая духота, которую было невозможно убрать проветриванием (окна на лоджии итак, видимо, разошлись и не закрывались). Тут как будто бы не жили, а только время от времени ночевали.

Пока Анна проникалась обстановкой и духом жилья своего избранника, поводя носом и надеясь найти хотя бы что-то, что могло ей понравиться и спасти неприятное впечатление, Роман решил заняться с ней сексом прямо на кухне. Причем жестким и опять каким-то торопливым. В смысле что на раздевание времени снова не было. Анна была в общем-то не против, не считая накатившей вдруг разом брезгливости к окружающему бардаку. Ей всегда нравилось, когда мужчины вели себя грубо. Он овладел ею сзади, стоя, не посчитав нужным избавиться от одежды, быстро, грубо, и ей это понравилось, хотя бурной страсти не было.

«Что-то у вас не искрит» – капризно констатировала Аннина душа.

«Да нет, все придет» – отмахнулся разум – «не парься, пробуй дальше, не то одна останешься опять и страдать будешь. Все тебе не угодить!».

– Все было так, как надо, – рассказывала потом Анна Алисе. – Вот ровно так, как описывают в романах, или показывают в кино, и, если бы я смотрела такое кино про себя, мне бы понравилось, как все выглядит со стороны.

«Да, вот именно со стороны, а не изнутри» – снова вмешалась Аннина душа.

Жизнь не кино. Все атрибуты, нужные Анне, присутствовали, но химическая реакция не происходила. С точки зрения физики все было вроде бы безупречно, но «не искрило», «не включалось». Тогда Анна всего этого не осознавала, изо всех сил стараясь игнорировать голос души, и заставив его в конце концов вовсе замолчать, чтобы не остаться одной из-за ее, души этой, капризов.

В общем, их отношения с Романом с этого момента, если можно так сказать, завязались, они стали часто видеться, каждый день по несколько раз созваниваться, раз-два в неделю вместе ночевать в холостяцкой берлоге Романа, а затем и у Анны, в ее новенькой, задуманной как женский будуар «однушке».

Анна стала иногда называть Романа Ромой – это он ей сам предложил, в знак особой близости. Он познакомил ее со всеми своими друзьями. Купил ей мотоциклетную экипировку, чтобы вместе ездить на его мотоцикле. Передвигаться на двух колесах было особенно удобно в выходные, только так можно было без пробок добраться к кому-нибудь в гости за город на шашлыки.

Прошло всего лишь пару месяцев с их первого телефонного разговора, когда Роман уже предложил Анне съехаться.

– Анют, милая, мы с тобой так много времени проводим вместе. Я расцениваю наши отношения как серьезные. И потому считаю логичным жить вместе. А то мотаемся друг к другу, я за съемную квартиру плачу, хотя половину месяца у тебя провожу. Почему бы нам не объединиться. Как ты на это смотришь?

Анне идея сразу не очень-то понравилась, потому что как-то слишком уж быстро. Но она тем не менее согласилась, боясь потерять Романа.

Она только начала входить во вкус самостоятельной жизни в новой квартире, где ей порой так нравилось находиться наедине с собой. Квартира стала ее «местом силы», там все было именно так, как она всегда мечтала. Сколько журналов о ремонте она проштудировала и сколько ремонтных бригад отбраковала прежде чем выбрать свой идеальный вариант.

Некрасиво было ломаться, нелогично было предложить Роману пожить пока у него.

И она сама как будто со стороны услышала себя:

– Ром, отличная идея, можем жить у меня. Мне как раз помощь нужна, я еще не со всей техникой разобралась. И вообще, ты мне очень нравишься, Ром. – и она покраснела, от смеси смущения и лукавства.

Роман долго раздумывать не стал, и в следующие же выходные перевез свои вещи и мебель в новую Аннину квартиру. Она видела словно в тумане, как посередине ее оформленной в итальянском стиле опочивальни взгромоздился компьютерный стол с торчащими пыльными проводами, а у окна выросла огромная плазма с подключенным к ней допотопным системным блоком и торчащими из него флешками и паутиной спутанных шнуров. Конструкция, которую Анна окрестила «робло», наполовину загрозила красивое панорамное окно.

Начало совместной жизни стало одновременно и концом Аннинных представлений об идеально чистой, только своей, минималистичной квартире. Она сделала вид, что все так и должно быть, что она все одобряет, что провода не смущают, выделила Роману три лучшие полки в шкафу. И они стали жить вместе.

Они много общались с его друзьями и ее подругами и путешествовали. А еще каждый много работал, и по вечерам они проводили вместе от силы час-два, а затем ложились спать. По выходным и иногда по будним дням ходили по ресторанам, пили вино, курили кальян. Жили обычной жизнью, как все их сверстники – обитатели больших городов, привычные бешеному ритму труда и отдыха, ну точно не хуже других. Анна ввела Романа в круг своих подруг (заимствованных у Алисы) и их парней, познакомила, конечно и с самой Алисой. Так прошел год, потом второй.

Иван, жених Ирмы, больше всех приглянулся Роману и у них даже завязались приятельские отношения, со всеми шансами перейти в настоящую дружбу. Парни стали даже общаться независимо от девочек, чему Аня и Ирма только радовались – можно было посекретничать, пока ребята заняты своими мужскими разговорами. Ксюша с мужем вели себя довольно обособленно и новых друзей заводить явно не собирались – они словно растворились друг в друге, и никто им больше был не нужен. А вот Оля очень хотела быть частью компании, но как быть с тем, что она теперь живет с Игорем Беркутом, не имела понятия.

-10-

Никто из их компании не был в курсе, что Игорь, бывший муж Анны, оставил новую жену, которую только перевез к себе из Нижнего Новгорода, и переехал к Оле, Голубке, в квартиру ее мамы. Игорь испытал столь сильное и неподконтрольное чувство к Оле, что, уступив новой жене право жить одной в его квартире в Гусятниковом переулке и солгав про длительную зарубежную командировку, поселился с Олей и Олиной мамой, которым, в свою очередь, соврал, что ушел от жены насовсем.

Оле удавалось скрывать факт сожителства с бывшим мужем Анны от подруг, но пришлось пожертвовать дружбой – она стала все реже появляться в общей компании. Только с Алисой продолжала видаться и готова была вот-вот раскрыть ей их с Игорем секрет.

Игорь поначалу очень хотел, чтобы об их отношениях с Олей узнала Анна – он считал, что так отомстит ей за их разрушенный союз и попытку подпортить его мужское достоинство. Но Оля была против – не хотела потерять подруг, понимала, что Анне скорее всего будет, мягко говоря, неприятно. Так и жили, и были счастливы вдвоем в тайне от всех. Беркут и его Голубка.

Ксюша с Алексеем назначили празднование свадьбы на воскресенье – не так дорого, как в пятницу или в субботу, но зато и не так удобно для тех гостей, кому в понедельник нужно рано

вставать. Праздновали в узком кругу – родители и близкие родственники, а также ближайшие друзья. Из Ксюшиных подруг были приглашены Алиса, Ирма, Анна и Оля. Все, кроме Оли, собирались прийти со «вторыми половинками». Игорь по странному стечению обстоятельств срочно уехал в командировку в Нижний Новгород, правда, Оля при всем желании не могла бы позвать его с собой на Ксюшину свадьбу.

По Ксюшиной задумке, подружки невесты должны были быть в малиновых платьях, и Оля долго выбирала и наконец выбрала – короткое, без бретелек платье-футляр. Туфли на танкетке в тон платью, прическа, макияж – все было готово. Оставалось только поставить машину около дома, поменять сумку на клатч и вызвать такси.

Оля ехала за рулем их с мамой машины, которой пользовались по очереди, но никогда не спорили, чья очередь на этот раз. То и дело любовалась на себя в косметическое зеркало.

На светофоре остановилась первая и решила сфотографировать себя на телефон, пока не загорелся зеленый. А фото отправить Игорю – пусть не расслабляется там, в Нижнем Новгороде.

Дальше все происходило как в замедленной съемке. Со встречной полосы, крутясь вокруг своей оси как заведенная юла, на перекресток вылетела «пятерка» БМВ. Скорость была километров сто в час, не меньше – это притом, что машины уже замедлялась. Дагестанец, лихой водитель «пятерки», был сильно пьян. Он на полном ходу врезался в фонарный столб, оттуда его отрекошетило в рядом идущую «Тойоту» – после чего он вылетел на красный сигнал светофора и протаранил Олину корейскую легковушку.

Оля даже и заметить ничего толком не успела – и больше не очнулась. Когда приехала «скорая», было уже поздно что-либо делать. Она даже не успела отправить Игорю прощальное «селфи».

Празднование свадьбы было в разгаре, и никто особо не обратил внимания на отсутствие Оли – подумаешь, задержалась, скоро, значит, приедет. Как вдруг Алиса со слезами на глазах подбежала к Анне:

– Ань, мне только что Олина мама звонила, она попала в аварию.

– Кто она? Олина мама?

– Оля, Оля попала в аварию, она разбилась насмерть.

– Бля... – Единственное, что смогла сказать Анна. В глазах потемнело, она едва успела схватиться за стену, чтобы не упасть. «Это я виновата» – стучало у Анны в висках – «Это все я виновата».

– Не будем пока говорить Ксюше, ладно? Давай сделаем вид, что ничего не произошло. Не будем портить им праздник?

– Давай. Пойдем покурим.

– Пойдем.

Выкурили по три сигареты. Как будто это могло бы как-то помочь исправить ситуацию.

В голове не укладывалось. Анна все силилась понять и не понимала – неужели это всё она устроила, со своими проклятиями. Это ведь она желала смерти Оле и Игорю.

– Лис, послушай, а Игорь – ну, у них с Игорем все еще продолжается?

– Честно говоря, да, Ань. Оля не хотела тебя расстраивать.

– У них все серьезно было?

– Ань, они стали жить вместе, и он от жены ушел. Жили у Олиной мамы.

– И она просила мне не говорить?

– Не хотела тебя ранить. Но и от Игоря не могла отказаться – говорила мне, что никого больше никогда так не любила.

– Вот черт.

На похороны Оли Анна не поехала. Сказалась больной – у нее и правда поднялась температура. Доктор сказал, «психосоматика», не найдя ни одной причины для Аннинаго столь

резкого недомогания. Игорь тоже на похороны не приехал, он вообще исчез, никто и не знает, возвращался ли он вообще из Нижнего или решил там остаться, «пересидеть».

Из Анниной жизни Игорь тоже испарился. Так что никто не скажет наверняка, как сложилась его дальнейшая судьба. Вероятнее всего, он вернулся к своей нижегородской женушке и живет с ней спокойно и счастливо.

-11-

Прошли уже и девять дней, минули и сорок, жизнь продолжалась, постепенно входя в привычную колею неотъемлемых забот и удовольствий.

Ксюша с Алексеем стали активно «работать» над пополнением, а потому совсем перестали тусоваться с друзьями, решив подойти к делу со всей серьезностью.

Алиса, не желая отставать от подруг, познакомилась на сайте знакомств с Филиппом. Он был, как Алиса любила выражаться, «ее человеком», что должно было означать почти стопроцентное соответствие личностей и характеров друг другу.

Филипп работал в крупной госкорпорации, да к тому же был сыном состоятельных родителей, которые жили в Тюмени. От первого брака у Филиппа имелась дочь, видеться с которой не разрешала бывшая жена.

Первое время Алиса и Филипп друг в друге души не чаяли. Алиса так красиво рассказывала Анне пикантные подробности их свиданий и долгих телефонных разговоров, что из этого мог бы получиться отдельный роман из разряда тех, что читают в мягких обложках по дороге с работы домой в пригородных электричках.

Стали дружить четвером. Вместе объехали пол-Европы, побывали в Америке. Не всегда все было ровно, но всегда получалось договориться, правда, уступали чаще Анна с Романом. У четверых были все шансы стать друзьями на долгую жизнь, если бы отношения Алисы и Филиппа не стали рассыпаться на глазах.

Алиса устала ждать, когда уже наконец Филипп сделает ей предложение. Они уже жили вместе, имели общий бюджет, а он упорно не понимал ни намеков, ни прямых вопросов. Постепенно Алиса превратилась в вечно всем недовольную и капризную «мадам», которой ничем не угодишь. Она часто плакала и «воротила нос».

И в один прекрасный вечер Филипп от нее ушел. Алиса думала, что это просто ссора, но больше Филипп уже не возвращался. Слезы, депрессия, потом ссора с Анной, на почве того, что та мало времени уделяла подруге, сконцентрировавшись на своей личной жизни. Алиса завела пару новых одиноких подружек из бухгалтерии, и им теперь изливала душу и жаловалась на несправедливость судьбы – они ее как никто другой понимали, ведь сами были вечными «брошенками», по этому принципу и были отобраны Алисой.

Из жизни Анны постепенно ушли и Алисины подружки, она уже не встречалась, а лишь созванивалась с ними. Сама Алиса стала теперь уже больше коллегой, чем подругой, и видеться за пределами офиса они почти перестали.

Жизнь Анны замкнулась на Романе. Но у них не получалась семья. Роман признавался Ане в любви и видел ее своей спутницей, но замуж не звал и детей не хотел. Прямо он об этом не заявлял, но от нужных вопросов умело уходил в сторону, и Анна итак все понимала. Она же очень хотела настоящую семью, хотела уйти с работы, растить детей, переехать в загородный дом.

На работе у Анны тем временем обстановка стала просто невыносимой. Поменялся директор, которому Анна сразу не понравилась, потому что была себе не уме и не охотно подчинялась его линии руководства. Теперь она перестала считать работу центром своей вселенной и стержнем в своей системе ценностей. Новая Анна мечтала о том, чтобы как можно скорее уйти с осточертевшей работы, и лучше в декрет. Уже и предохраняться перестала, и начала по врачам ходить, думая, что причина в ней.

-12-

Очередной московский ноябрь выдался мрачным и холодным. Уже подмораживало, но ни снежинки еще не выпало, день становился все короче, и черный от дождя и налипших грязных листьев асфальт сливался с таким же мрачным небом. В отношениях Анны и Романа давно уже пробежала серая панда, они были вместе, но существовали как бы отдельно. Смотрели Ромины фильмы и сериалы, сидя на разных концах дивана, спортзал стали пропускать и лениться с бокалом темного пива и обязательно с закуской, сексу стали предпочитать нетрезвый сон. Анне стало казаться, что вот так закончится ее красивая некогда жизнь.

– Работу – терпеть не могу, вот только уволиться кишка тонка. В личной жизни – тоже неопределенность. Роман замуж не зовет. А давить на него боюсь – не хочу вовсе остаться одна. Мне уже скоро тридцать. Кому я буду нужна. Поправилась. Заедаю неуверенность в том, что будет завтра. Не могу остановиться. – Анна стала жаловаться маме. – С сексом у нас с Ромой проблемы начались. Он меня больше не хочет. Наверное, потому, что я жирная. Вдруг у него появилась другая?

Мама посоветовала Анне не медля уйти от Ромы.

– Анна, скорее всего он у тебя импотент, раз секса совсем не хочет. У моих подруг вон сколько таких примеров. Живут с мужьями-импотентами, терпят, по врачам ходят, а ведь это не лечится, это ведь несчастье на всю жизнь! Ань, я тебе серьезно говорю, тебе придется от него уйти. И чем раньше, тем лучше.

Анне было безумно страшно. Она вышла с работы в обеденный перерыв и позвонила маме, чтобы «поплакаться».

Мама желала дочке только добра и с высоты жизненного опыта понимала, что в тридцать, да даже в сорок для женщины далеко еще не все потеряно. И все же Анне ее ситуация виделась настоящим концом света. Три года назад она была востребованной сексуальной девочкой, а теперь она почти тридцатилетняя матрона сорок восьмого размера, у которой почти не осталось подруг, так до сих пор нет мужа, секс реже чем раз в три недели, ненавистная работа, и от всего этого самооценка на нуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.